

СПЕЦВЫПУСК

ДЕКАБРЬ/2020
УКРАИНА

СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

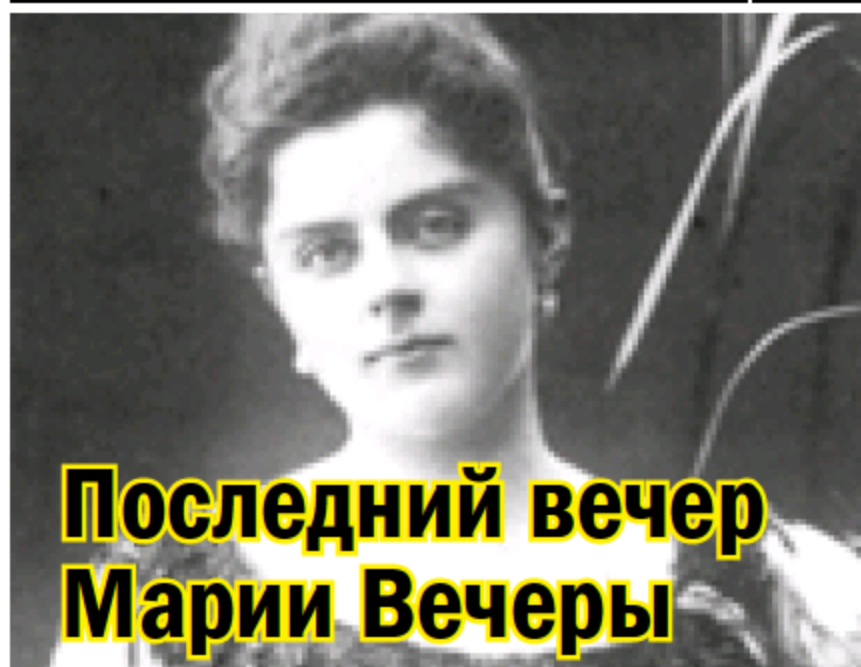
№12 (177)

...десячник. Основан... еменовым и Артемом Боровиком в 1989 году

В НОМЕРЕ:

СЕКРЕТЫ СПЕЦСЛУЖБ

19

Последний вечер
Марии Вечеры

СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

7

Неистовый шевадьё

ЛЕГЕНДА

10

Несколько
жизней мистера Фокса

СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

13

Оружие
против дерзких
дворян

КАК УБИВАЛИ ПУШКИНА

ISSN 2070-884X

20012

9

772070

884002

«АХ! ЗЛЫЕ ЯЗЫКИ СТРАШНЕЕ ПИСТОЛЕТА»

Евсей ГРЕЧЕНА

Специально для «Совершенно секретно»

12 (24) ноября 1817 года в Санкт-Петербурге состоялась знаменитая «четверная дуэль», причиной которой стала знаменитая балерина Истомина. На дуэли дрались граф Завадовский и кавалергард Шереметев. Возможно, современники (не говоря уже о потомках) быстро бы забыли о состоявшемся поединке, когда б не секунданты дуэлянтов. А секундантами этими были Грибоедов и Якубович. Шереметев был убит на месте, но и для великого Грибоедова дуэль эта закончилась весьма плохо, хотя и не сразу...

Дуэль между двумя приятелями – кавалергардским штабс-ротмистром Василием Васильевичем Шереметевым и камер-юнкером графом Александром Петровичем Завадовским, в которой Грибоедов был секундантом последнего, вызвала много толков в тогдашнем обществе.

Обстоятельства этого поединка будоражили умы современников потому, что несколько блестящих мужчин России дрались из-за не менее блестящей женщины – танцовщицы Авдотьи Истоминой, воспетой самим Пушкиным. В конечном итоге дуэль эта оказалась уникальной – четверной, да плюс ещё растянутой во времени. Результаты её поразительны: гибель одного участника, позор второго, приход в движение декабристов третьего и... создание гениального произведения «Горе от ума» четвёртым.

«ИЗМЕНА» АВДОТЬИ ИСТОМИНОЙ

Итак, дуэль эта произошла из-за Авдотьи Истоминой, легендарной танцовщицы Санкт-Петербургского балета. Её образ запечатлен в «Евгении Онегине»:

Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина...

Не секрет, что Истомина была предметом ухаживаний многих, в том числе и гвардейского офицера Василия Шереметева. Но она также нравилась и известному бонвивану графу Александру Завадовскому.

Что же до Грибоедова, то он летом 1817 года поступил на службу в Коллегию иностранных дел, а зимой 1818 года (Грибоедову в то время было 22 года, и он уже был известен по нескольким пьесам, написанным для театра) жил на одной квартире с молодым графом Завадовским.

Один из очевидцев тех событий пишет: «Может быть, граф Завадовский имел прежде на Истому какие-нибудь виды, но должен был уступить счастливому сопернику; Грибоедов же, не имевший на неё равно никаких [видов], пригласил ее как-то раз, после спектакля, к себе пить чай. Он сам бывал у Истоминой довольно часто как друг, как близкий знакомый. Истомина согласилась, но, зная, что Шереметев за ней подсматривает, и не желая вводить его в искушение и лишний гнев, сказала Грибоедову, что не поедет с ним вместе из театра, а назначила ему место, где с ней сейчас же после спектакля встретится – первую, так называемую Суконную, линию Гостиного двора, на этот раз, разумеется, совершенно пустынную, потому что дело было ночью».

Правда, граф Завадовский, известный ловелас, давно пытался приударить за Истоминой, и она это знала. Но что за проблема, ведь там будет Грибоедов, почти брат! Ну, попытай они втроем чайку и всего-то. Васе

Дуэль графа Завадовского и кавалергарда Шереметева.
Справа: Александр Сергеевич Грибоедов

это, конечно, не понравится. Ну, так что же с того! Так, вероятно, легкомысленно думала балерина.

«Так всё и сделалось, – продолжает очевидец, – она вышла из театральной кареты против назначенного места, встретила с Грибоедовым и уехала к нему. Шереметев, наблюдавший издали, всё это видел. Следуя за саними Грибоедова, он вполне убедился, что Истомина приехала с кем-то в квартиру графа Завадовского; после же, очень просто, через людей, мог узнать, что этот «кто-то» был Грибоедов».

Отметим, что до этого Истомина почти два года была возлюбленной Шереметева. Но между ними произошла ссора, и балерина съехала к своей подруге. А 17 ноября Грибоедов, друживший с Шереметевым, повез балерину «на чай», и она задержалась в их с Завадовским квартире. Домой Истомина вернулась поздно. Измученный ревностью Шереметев уже ждал её. Она пыталась объяснить, рассказать, что не была с Завадовским наедине, что там присутствовал Грибоедов, что они просто пили чай... Но Шереметев уже ничего не слушал.

«ДРУЖЕСКИЙ» СОВЕТ ЯКУБОВИЧА

Взбешённый, он бросился к своему приятелю, известному дуэлянту Александру Ивановичу Якубовичу с вопросом: «Что делать?» Якубович был человеком лично храбрым, но с довольно странным взглядом на некоторые вещи.

– Что делать? – усмехнулся он. – Это очень даже понятно: разумеется, надо драться. Но теперь вопрос в том: как и с кем? Возлюбленная твоя была у Завадовского, это раз, но привез её туда Грибоедов, это два. Стало быть, тут два лица, требующие пули, а из этого выходит, что для того, чтобы никому не было обидно, мы при сей верной оказии составим une partie carrée, то есть четверную дуэль

Четверная дуэль – так тогда назывался

поединок, в котором после противников стрелялись и их секунданты. В результате, утром Якубович передал графу Завадовскому записку от Шереметева, требовавшего удовлетворения. В записке, между прочим, говорилось: «Третьего дня Истомина по приглашению Грибоедова, пила у вас чай и очень поздно возвратилась домой. Мне это не нравится, а потому, не угодно ли вам будет сообщить, где и когда и на чём согласны вы дать мне должное удовлетворение».

– За танцорку Истомина я не дерусь! – беспечно ответил граф. – Она Шереметеву не сестра, не дочь и, тем более, не жена. Да и я властен приглашать к себе в гости кого мне угодно. Так и передайте вашему другу.

Якубович возразил, делая упор на то, что графу были известны отношения Шереметева с Истоминой. Но тот лишь рассмеялся:

– Мне до них нет никакого дела. Если бы Истомина была женой, сестрой или дочерью Шереметева, – тогда святое дело! Я принял бы его вызов, но из-за сожительниц дерутся только пьяные солдаты да денщики, а мы – дворяне, нам стыдно подражать хамским отродьям.

Упрямый Якубович попросил графа дать письменный ответ, и тот написал: «За Истому я не дерусь». И отдал записку Якубовичу для передачи Шереметеву. Со своей стороны, Шереметев, поняв, что

Завадовский не будет драться с ним из-за Истоминой, спросил его, а что, по его мнению, могло бы принудить его дать ему удовлетворение? В ответ на это последовала рекомендация «вызвать на дерзость, а потом присылать секунданта».

Говоря современным языком, Шереметеву было предложено найти благовидный повод к дуэли. И вскоре, действительно, где-то в публичном месте, Шереметев вывел графа «на дерзость». И последний выплеснул мороженое из чашки в лицо первого.

А тем временем Якубович послал свой вызов Грибоедову, которого он считал более виноватым. Гусарский поручик Каверин привёз письмо от Якубовича, в котором говорилось: «Грибоедов! Пригласив к себе Истому, ты жестоко оскорбил Василия Шереметева, а я, как друг его, не могу относиться к этому равнодушно. Каверин – мой секундант. Уговорись с ним или, приислав себе такового же, назначь сам: когда, где и на чём».

Грибоедов принял вызов со словами: «Если угодно Александру Ивановичу, так я к его услугам».

ПЕРВАЯ ДУЭЛЬ

Четверная дуэль состоялась 12 (24) ноября 1817 года на Волковом поле в Санкт-Петербурге. Точнее, в два часа пополудни начался первый поединок – Шереметев с Завадовским. Секундантами выступали Якубович и Грибоедов. Вторая дуэль – уже между ними – должна была состояться сразу после первой.

Барьер был назначен на восемнадцать шагах, с тем, чтобы противникам пройти по шесть шагов и после этого стрелять. То есть условия были самые жестокие: стреляться всего с шести шагов.

Когда участники первой дуэли начали сходиться, граф Завадовский, бывший отличным стрелком, шёл тихо и совершенно спокойно. Хладнокровие ли Завадовского взбесило Шереметева, или чувство ревности и злобы пересилило в нём рассудок, только он не выдержал и выстрелил в графа, ещё не доходя до барьера. Пуля пролетела так близ-

Знаменитая балерина А. ИСТОМИНА.
Справа: А.И. ЯКУБОВИЧ

ко, что оторвала часть воротника у графского сюртука... Тогда, и это понятно, возмущение овладело Завадовским.

– Ах, вот как! – воскликнул он. – Он хотел убить меня, – к барьеру!

Делать было нечего, и Шереметев подошёл. Некоторые из бывших при дуэли стали просить Завадовского, чтобы он пощадил Шереметева. Но тот ответил, что лишь прострелит ему ногу – для науки. Шереметев услышал это и крикнул:

– Ты должен убить меня, или, рано или поздно, я убью тебя!

И тогда Завадовский выстрелил по-настоящему. Пуля пробила Шереметеву бок, прошла через живот и остановилась в другом боку. Бедняга упал навзничь – в те времена это означало практически верную смерть.

Из-за столь трагического исхода схватки первой пары дуэль секундантов была отложена. Умиравшего Шереметева привезли на квартиру к Истоминой. Так он просил. Там он и умер. Ему было всего 27 лет. Отец его, возмущённый «глупостью дуэли сына своего из-за танцорки», признал его виновным в собственной смерти и лично просил императора Александра I не наказывать графа Завадовского.

А в жизни Истоминой после этого произошёл крутой перелом. Над кроватью ее появился медальон, подаренный когда-то Василием. И имя её никогда больше не связывали ни с одним определённым поклонником. Более того, единственная из всех балерин императорского театра, Истомина никогда больше не была ни у кого на содержании, и сцена стала её единственной страстью.

Что же касается Якубовича, то он извинился перед Грибоедовым, заявив, что им теперь стреляться совершенно невозможно и надо отложить свои расчёты до «лучших времён». Однако такая возможность им в Санкт-Петербурге уже не представилась. Дело в том, что Якубовича как главного зачинщика и организатора поединка арестовали и выписали из гвардии с переводом прапорщиком на Кавказ – в Нижегородский драгунский полк.

Что же до Александра Петровича Завадовского, то он был тихо отправлен за границу. Однако по возвращении друзья-офицеры не приняли его. И единственным занятием графа стала карточная игра. И что удивительно: отец Завадовского оказался похоронен рядом с могилой Шереметева, так что, приходя к отцу, граф всегда наталкался на могилу убитого им кавалергарда.

ВТОРАЯ ДУЭЛЬ

Грибоедов не получил даже выговора. Но ему нелегко было примириться с собственной совестью, долгое время не дававшей покоя.

Он писал другу Степану Бегичеву в Москву, что на него напала ужасная тоска, что он беспрестанно видит перед собой смертельно раненного Шереметева, что пребывание в Санкт-Петербурге сделалось для него невыносимым. Знакомый с Грибоедовым Мазарович, тогдашний поверенный России в делах Персии, предложил Александру Сергеевичу ехать с ним в качестве секретаря посольства. Грибоедов с радостью принял это предложение и в конце августа 1818 года выехал из Санкт-Петербурга.

Знал бы он, чем это для него закончится... Как уже говорилось, Александр Иванович Якубович стал прапорщиком в Нижегородском драгунском полку. Этот полк считался привилегированным (его даже иногда называли «кавказской гвардией»). С одной стороны, в него традиционно вступали кавказские аристократы, а с другой – переводились проштрафившиеся столичные офицеры. Известный военный историк Панчулидзев говорил об этом полку как о месте сбора разжалованных за дуэли в 1810–1820-х годах. Но и позже Нижегородский полк сохранил эту свою репутацию: например, в нём оказался сосланный на Кавказ Лермонтов.

Анненков в своей книге о Пушкине описывает Якубовича так: «Дуэли были тогда в полном ходу. Дуэлей искали. Кто тогда не вызывал на поединок, и кого тогда не вызывали на него?! Напрашиваться на историю считалось даже признаком хорошей породы и чистокровности происхождения, что помогало многим, употребляя один этот прием, скрывать долго ничтожество своего ума и характера. Человек, сделавший из дуэли свою специальность, известный Якубович, пользовался необычайной популярностью в свете и приобрёл в воображении молодых людей размеры и очертания почти что эпического героя, хотя его малое понимание себя и своего времени, его склонность к фразе в словах и поступках не давали ему особенного на то права».

Отметим, что осенью 1818 года Якубович был переведен в Тифлис, и там же оказался проездом по пути в Тегеран и Грибоедов. И вот при случайной встрече Якубович напомнил ему про отложенное продолжение четверной дуэли. Грибоедов понимал, что вольно или невольно, но именно он способствовал предыдущему трагическому поединку, закончившемуся гибелью Василия Шереметева. Он попытался вразумить Якубовича, но поскольку тот изобрел легенду о своей клятве отомстить за умершего друга и был решительно настроен на дуэль, Александр Сергеевич тоже был вынужден идти до конца.

Стреляться с Грибоедовым Якубович собирался без секундантов. Это было явным нарушением дуэльного кодекса, но так «обустроить» смертельную дуэль в глазах общества было намного эффективнее. Однако секунданты всё же появились. Сначала хотели стреляться на квартире Якубовича, но это условие было отклонено секундантом Грибоедова дипломатом Амбургером на том

основании, что Александр Иванович уже мог приловчиться стрелять в данном помещении. Затем секундант Якубовича Муравьев (будущий военный губернатор Кавказской губернии) нашёл местечко в овраге у Татарской могилы, по дороге в Кахетию.

По одной версии, Якубович выстрелил первым. По его же собственным словам, он не собирался лишать противника жизни, поэтому целил ему в руку. Раненый Грибоедов теперь имел право подойти ближе к барьеру, чтобы произвести свой выстрел наверняка. С окровавленной левой рукой, которую он показал секундантам, Александр Сергеевич выстрелил, не используя этого преимущества. Пуля пролетела рядом с головой Якубовича, причём так близко, что тот даже схватился за голову, считая себя раненным.

По другой версии, первым выпал жребий стрелять Грибоедову. Но он намеренно выстрелил мимо.

– Шалишь, дружище! – засмеялся Якубович. – Ты вот музыкант, любитель играть на фортепьянах... Ну, так больше играть не будешь!

И выстрелил в ладонь Грибоедову. Пуля задела мизинец.

Один из очевидцев дуэли пишет: «Действительно, пуля попала Грибоедову в ладонь левой руки около большого пальца, но, по связи жил, ему свело мизинец, и это впоследствии мешало ему, музыканту, играть на фортепиано».

СТРАШНАЯ СМЕРТЬ ГРИБОЕДОВА

Позже Грибоедов разработал покалеченный палец, но играл он с тех пор редко. Да и не до игры ему стало – появился замысел «Горя от ума». Что же касается травмы, то именно по этому сведённому мизинцу и опознали потом его труп в груди других обезображенных тел – после истребления фанатиками российского посольства 30 января (11 февраля) 1829 года в Тегеране.

Грибоедов, как известно, поехал в Персию в качестве секретаря русского посольства, основной задачей которого было добиться от шаха выполнения статей мирного договора и, в частности, выплаты контрибуции по итогам Русско-персидской войны. Отметим, что за проигрыш в войне была вынуждена расплачиваться вся страна, и это значительно усилило недовольство в персидском обществе.

В результате, толпа возмущённых напала на русское посольство. По показаниям очевидцев, в тот день у посольства находилось около 100 тысяч человек, «предшествуемых толпой мальчишек и несколькими зачинщиками, с палками и обнажёнными шпагами». Руководители заговора быстро потеряли контроль над этой толпой. Понимая, какой опасности он подвергается, Грибоедов за день до нападения послал шаху ноту, в которой говорилось о необходимости просить российское правительство об отзыве миссии из Персии.

Очевидец событий потом писал: «Уже камни сыпались на двор, и неистовые кри-

ки толпы по временам сливались в один общий гул. Эти крики обдавали нас ужасом, и мы спрашивали друг друга, что из всего этого будет?»

Отмечалось также, что толпа состояла не только из торговцев и черни, что между ними видны были и «вооружённые огнестрельными оружием, и также солдаты разных военных отрядов». Конвой русской миссии, состоявший из 35 казаков, оказал сопротивление, но силы были слишком неравны. Град камней всё усиливался, и Грибоедов напрасно старался обращаться к народу: «никакой голос не мог бы быть внятным в такую страшную суматоху». Казаки, презирая опасность, дорогой ценой отдавали свои жизни, но весь конвой, в конечном итоге, погиб в схватке. Погиб и сам Грибоедов.

Из всего русского посольства спасся лишь секретарь миссии Мальцов, сумевший спрятаться во время резни. Со слов самого Мальцова, ему помог в этом слуга, который завернул его в ковер и поставил в угол комнаты, где стояли другие свёрнутые ковры.

Согласно Мальцову, в результате нападения погибли 37 находившихся в посольстве людей и 19 нападавших. Тело Грибоедова было перевезено в Российскую империю и захоронено в Тифлисе.

Естественно, резня в тегеранском посольстве вызвала дипломатический скандал. Улаживая отношения с Россией шах послал в Санкт-Петербург своего внука Хозревмирзу. В его задачу входило добиться принятия извинений за жестокое убийство и смягчения бремени контрибуции. В числе богатых даров, преподнесенных им российскому императору Николаю I, был и знаменитый алмаз «Шах». В конечном итоге, резня не послужила причиной серьёзных осложнений в отношениях между Россией и Персией, а выплата долга была отложена на пять лет.

СУДЬБА ЯКУБОВИЧА

Что же до Якубовича, то на Кавказе он прославился отчаянной храбростью, безудержной отвагой и сделался любимцем генерала Ермолова (тот, кстати, лишь по случайности не успел предупредить его дуэль с Грибоедовым, послав арестовать обоих). Якубович командовал конницей и совершал дерзкие набеги на горные стоянки врагов. Известно, например, что он нагнал такого страха на местных черкесов, что они даже пугали им своих детей: «Якуб идёт!» А потом он вдруг понял, что пора перестать «чудить», выказывая никому не нужную бесшабашную храбрость, и заняться «делом». Таким делом оказалось восстание 14 (26) декабря 1825 года.

На Кавказе Якубович был ранен и приехал в Санкт-Петербург летом 1825 года с повязкой на голове. Говорил он громко, весьма красноречиво, и быстро вошёл в контакт с Рылевым. Как утверждали, в нём заговорщики «видели нечто идеальное, возвышенное. Это был Дантон новой революции».

Из донесения следственной комиссии видно, что Якубович лично не вступал в заговор, но обещал декабристам поддержку. Уже на Сенатской площади он предлагал свои услуги, чтобы убедить мятежников сдаться. Ему было сказано, что государь дарует прощение всем, кроме главных зачинщиков. Якубович пошёл к декабристам и, вернувшись, донес, что они не соглашались. Согласно плану декабристов, в день восстания Якубович, командуя Измайловским полком и лейб-гвардии Морским экипажем, должен был захватить Зимний дворец и арестовать императорскую семью. Но в решающий момент он отказался выполнять намеченное. Видимо, у него не хватило духа. А вечером он поехал в дом генерал-губернатора, чтобы узнать, что с графом М. А. Милорадовичем, смертельно раненым декабристом Каховским. В это время к графу ехал его адъютант Александр Башуцкий, и Якубович предложил довести его в своей карете. Башуцкий согласился, и, сев в карету, почувствовал, что сел на пистолеты. В ответ на его вопрос, что это значит, Якубович заявил, что пистолеты заряжены и что бунтовщики хотели убить его за то, что он «не соглашался войти в заговор с ними». Впрочем, это не избавило «кавказца» от наказания: он так же, как остальные участники восстания, был осуждён и отправлен в ссылку. Теперь его имя носит одна из улиц Санкт-Петербурга (так в 1923 году новые петроградские власти оценили заслуги этого странного человека в «борьбе с царизмом»). ■

КЕМ ЖЕ ТЫ БЫЛА, МАНОН ЛЕСКО?

Сергей МАКЕЕВ

Специально для «Совершенно секретно»

На обложках современных изданий даже название этой знаменитой книги печатается сокращённо: «Манон Леско». Имя автора тоже: «А.Прево».

Большинство читателей считают, что это значит – аббат Прево. А между тем аббат – это лишь духовное звание Антуана Франсуа Прево, автора самой чувственной повести XVIII века – «Истории кавалера де Грие и Манон Леско». Конечно, и в русской литературе встречались авторы-священники. Но трудно представить, чтобы, к примеру, протопоп Аввакум сочинил нечто подобное.

Подруга по жребию

Его добродушно-лукавое полное лицо вызывало улыбку. Он выглядел ряженым и в военном мундире, и в сутане аббата. Ну так ведь и родился он первого апреля! В 1697 году в провинциальном городке Эден в семье королевского прокурора Льевена Прево появился сын, которого нарекли двойным именем – Антуан Франсуа.

С детства у него было пылкое воображение. Мечтательность и вера в чудесное обратили его к религии. Одновременно чтение запоем стихов и романов сделало Антуана рабом своих страстей.

Наверное, подростком он ещё колебался в выборе жизненного пути, но отец всё решил за него. После учебы в школе иезуитов в родном Эдене он отправил сына послушником в один из монастырей Парижа. Столичные иезуиты высоко оценили способности и знания юного Прево и решили, что ему следует учиться дальше богословию, философии и другим гуманитарным наукам в училище Генриха IV в городке Ла-Флеш.

Но монастырские, а затем и семинарские порядки уже тяготили Антуана. Деятельная натура жаждала подвигов, а душа – любви. В 1716 году восемнадцатилетний юноша сбежал из училища и завербовался в армию солдатом. Он рассчитывал «выдвинуться при первом удобном случае», заслужить офицерское звание. Вот только время выбрал неудачное: Утрехтский мир положил конец долгой войне за «испанское наследство», а без войны трудно начинать военную карьеру. И все же Прево два года тянул солдатскую лямку. В сущности, воинский устав не мягче монастырского, свободы нет ни тут, ни там. И юноша решил вернуться в монастырь.

Однако иезуиты не захотели принять обратно «заблудшую овцу», хотя раскаяние Антуана было глубоким и искренним. Он даже отправился в Рим, чтобы вымолить у папы прощение. Но по дороге опасно заболел, к тому же и деньги кончились. Тут подвернулся офицер, заботливый, как отец родной: определил юношу в больницу, навещал, кормил и поил. Но оказалось, что старался он не бескорыстно, и, как только больной поправился, предложил ему опять записаться в доблестную французскую армию. Антуан, конечно, отказался, но вербовщик знал своё дело и не отставал. Возможно, он предъявил счёт на круглую сумму и пригрозил судом или, может быть, Прево действительно подписал контракт, но потом пошёл на попятную. В письмах он упоминал ещё какое-то «серьёзное дело», так называли дуэль со смертельным исходом. В общем, Антуан снова ударился в бег и на этот раз

Аббат Прево и женщины, которые обессмертили его имя

Генеральная репетиция оперы Жоржа Массне «Манон» в нью-йоркской «Метрополитен-опера». Главные партии исполняют Марсело Альварес и Рене Флеминг. Сентябрь 2005 года

скрылся за границей, в Голландии. Правда, отсиживался он там недолго и вскоре вернулся во Францию.

И тут его настигла первая любовь, неистовая и безрассудная. Он полюбил девушку, что называется, «из дурного общества». Неизвестно, что она там натворила, но её арестовали и посадили в тюрьму, затем заменили заключение ссылкой в Луизиану.

В то время французские власти заселяли это заморское владение в Новом Свете кем только можно. Отправляли в Америку даже осужденных преступников и преступниц, чаще всего проституток. Для мужчин это был шанс сменить тюремную камеру на полную неизвестность, стоило только согласиться на брак с воровкой или куртизанкой. Таких «молодоженов поневоле» везли в порт на корабль скованными попарно, а женщин-одиночек сковывали по шесть. В Луизиане они доставались переселенцам по жребию.

Так везли и подругу Прево. Антуан решил

там их погрузили на корабль и... Прево потерял свою возлюбленную, потерял навсегда. Его отчаяние было так велико, что теперь он твердо решил похоронить себя в монастыре. Свою «могилу» он нашёл в бенедиктинском монастыре Сен-Вандрий близ Руана.

Между ангелом и бесом

В 1721 году, после года послушничества, Антуан Франсуа Прево принёс монашеский обет. Он усердно смирял свою плоть, молился, изучал древние книги, сам преподавал теологию, но... Его неудержимо влекло в мир, за стены обители. И даже когда ему удавалось смирить свои желания, он не мог укротить свой независимый характер, вольнолюбивую натуру. Антуан подавал прошения о переводе в другие монастыри, с более мягкими условиями, и за семь лет монашества сменил восемь (!) обителей. Но где найти «подходящий» монастырь для негодного монаха? Он и сам всё прекрасно понимал: «Нельзя не признать, что я ни в какой степени не пригоден для монашества...»

Тем не менее в 1726 году Антуан Франсуа стал аббатом Прево: епископ Амьенский посвятил его в духовный сан. Надо сказать, что первоначально аббатами именовались только настоятели монастырей, но позднее так стали называть всех людей духовного звания, даже не имевших своего прихода. Теперь аббат Прево мог иногда по поручению монастыря покидать обитель и читать проповеди, служить различные требы в парижских церквях, в приютах и на дому. В эти годы в кельях монастыря Блан-Манто в Париже, а позднее в Сен-Жермен-де-Пре молодой аббат начал писать большой роман «Записки знатного человека, удалившегося от света», принёсший ему громкую славу. Когда первые два тома романа уже были напечатаны и горячо обсуждались в гостиных и салонах Парижа, произошла знаменательная встреча, повлиявшая на личную судьбу аббата Прево и на замысел повести «Манон Леско». Некоторые исследователи признают эту историю подлинной, другие считают её одной из литературных легенд, окружающих имя Прево.

В октябре 1728 года аббат Прево прибыл в приют Сальпетриер исповедовать узниц. В парижских приютах содержались не только сироты и немощные, но и «женщины дурного поведения». Настоящих, закоренелых преступниц заключали в тюрьмы, а приюты считались исправительными заведениями. Во дворе приюта у старого колодца аббат увидел молодую женщину, потрясшую его воображение. Она была совсем не похожа на своих товарок: бледный, но прекрасный цветок среди сорной травы. Это был *coup de foudre* – удар молнии, любовь с первого взгляда, которую Прево так живо изобразил в сцене знакомства кавалера де Грие с Манон Леско. Прелестную узницу приюта Сальпетриер тоже называли Манон, но это было прозвище, а не настоящее имя. Если правда, что на исповеди не лгут, то Манон, по её словам, стала невинной жертвой коварного обмана. С этого дня Прево только и думал, как бы вырваться из обители и встретиться с возлюбленной. Но за Манон пристально следила настоятельница и в конце концов застала узницу в объятиях – о ужас! – молодого аббата. После такого конфуза Прево уже не мог появляться в приюте. Через парижских знакомых он начал хлопотать за Манон. И будто бы через влиятельного придворного добился её освобождения. Но девушка была уже смертельно больна. Она умерла на руках у возлюбленного... Сейчас на месте старого колодца во дворе приюта Сальпетриер льёт слёзы небольшой фонтан, и, если заплатить стари-

следовать за нею хоть на край света. Должно быть, сердце его разрывалось от жалости. Впоследствии кавалер де Грие по воле автора проделал весь этот путь и так передал свои чувства: «Но вообразите себе бедную мою возлюбленную, прикованную цепями вокруг пояса, сидящую на соломенной подстилке, в томлении прислонившись головою к стенке повозки, с лицом бледным и омоченным слезами, которые ручьями струились из-под ресниц, хотя глаза её неизменно были закрыты».

По дороге Антуан опять заболел и слёг. Партия арестанток прибыла в Ла-Рошель,

ку-привратнику, он впустит взглянуть на эту живую память несчастной любви.

По этой ли причине или вследствие постоянного стремления к свободе, аббат Прево в очередной раз сбежал из монастыря. Он уже пришёл к твёрдому убеждению, что свобода – естественное право человека, и не понимал, почему служение Богу должно ограничивать другие священные права. Бенедиктинцы узнали, где скрывается Прево, и старались уговорить его вернуться, но беглец упорствовал. Тогда обратились в полицию, и 6 ноября 1728 года был подписан ордер на арест, в котором указывалось, что Прево Антуан Франсуа – «мужчина роста среднего, блондин, глаза голубые, лицо румяное, полное». Что-то не похож наш аббат на келейника, изнуренного постом и молитвой. Но арест – дело нешуточное, и Прево снова подался за границу.

Крайности любви

В Великобритании Прево приняли весьма радушно – как автора уже четырех томов модного романа и благодаря рекомендации архиепископа Кентерберийского. Прево очень быстро овладел английским языком, посещал театр, знакомился с новейшей литературой, а главное, как он писал, был принят «в наилучших обществах» и предавался всевозможным удовольствиям. Ему удалось устроиться домашним учителем и наставником к сыну банкира и заместителя управляющего Южноокеанской торговой компанией, так что и денежных затруднений он не испытывал.

Но уже через год, после таинственного увлечения, которое он в письме скромно назвал «маленьким сердечным делом», влюбчивый аббат всё бросил и переехал в Голландию. Там он поначалу перебивался с хлеба на пиво, служил в кофейне, выступал в труппе бродячих актёров, подрабатывал у книготорговца. Но постепенно проторил дорожку к издателям и начал зарабатывать исключительно писательским трудом.

Да, он писал то, что нравится публике. «Записки знатного человека, удалившегося от света» полны невероятных приключений: убийства, похищения, погони, томления страсти, тайные свидания, чудесные совпадения – всё это напоминает прециозные и барочные романы. Но одна особенность превращала это занимательное чтиво в высокую литературу: психологическая достоверность в изображении властной силы любви, которой невозможно противиться, так называемой «роковой любви». «Любовь неистова, она несправедлива, жестока, она готова на все крайности, она предается им без малейшего раскаяния», – утверждал Знатный человек, главный герой романа. Впоследствии Генрих Гейне писал, что «после Шекспира никому не удавалось так изобразить этот феномен, как нашему старому аббату Прево».

Пожалуй, чтобы сравниться с Шекспиром, одного литературного таланта было бы недостаточно. Видно, собственные переживания водили пером Прево, претворяя чернила в кровь и плоть. Чувственный аббат сам без колебаний предавался крайностям любви.

В октябре 1730-го аббат Прево познакомился в Амстердаме с прелестной Ленки (с ударением на последнем слоге). Опять октябрь, как в приюте Сальпетриер, и опять любовь! И снова – роковая женщина. Полное имя этой то ли швейцарки, то ли мадьярки было Элен Экхарт. О себе Ленки не распространялась, говорила только, что происходит из добропорядочной протестантской семьи, но несчастья и злые люди всю жизнь преследовали её... ну и так далее. По другим сведениям, заслуживающим большего доверия, она была куртизанкой и жила за счёт любовников, ни в чём себе не отказывая. Ленки опустошала карманы Прево, как только там заводились гульдены. Конечно, и сам аббат любил пожить в своё удовольствие, но такая подруга, как Ленки, могла пустить по миру даже богача.

Именно в эти годы Антуан Франсуа Прево создал настоящий маленький шедевр – «Историю кавалера де Грие и Манон Леско», где в образе ветреной любовницы соединились и Манон из приюта Сальпетриер, и Ленки, и другие неизвестные нам героини его романов наяву. Но издатель не оценил повести, он был заинтересован в продолжении «сериала». Прево взялся за продолжение «Записок знатного человека...» и включил «Манон Леско» как вставную новеллу в VII том, опубликованный в 1731 году.

Затем аббат принялся за другую большой

роман «Английский философ, или история г-на Клевленда, побочного сына Кромвеля» (в восьми томах!), тоже наполненный приключениями, путешествиями и роковыми страстями. Но сколько бы он ни писал, денег всё равно не хватало. Прево наделал долгов, возвращать было нечем, кредиторы взялись за него всерьёз. Он бежал в Великобританию, прихватив свои единственные ценности – Ленки и рукописи. Его имущество было продано с торгов, но всё равно он остался должен чудовищную по тем временам сумму – две тысячи флоринов!

В Лондоне аббат Прево решил сам стать издателем и редактором, начал выпускать журнал «За и Против», который с интересом читали и во Франции. Одной из целей журнала было знакомить французов с политической, научной и культурой Великобритании. Журнал был поставлен образцово, но доходы приносил весьма скромные. И Ленки снова обиженно надувала губки. Кончилось тем, что аббат оказался в тюрьме Ньюгейт. Ордер на арест Прево гласил: «Преступно подделал документ с просьбой выдать ему 50 фунтов». Оказывается, аббат смастерил письмо от имени своего бывшего ученика. И вот он в той самой тюрьме, где несколько раньше сидел за долги Даниель Дефо и собирал бесценный материал об «отверженных» английского общества, в частности, для романа «Радости и горести знаменитой Молль Флендерс». Английская тюрьма перевернула представления Прево о Британии. Ведь прежде на страницах журнала «За и Против» он восклицал: «Блаженный остров!» – а теперь его окружали грязные подонки и впереди маячила виселица. К счастью, отец бывшего ученика оказался великодушным джентльменом, он отказался от уголовного преследования, и аббат Прево вышел на свободу.

Оставаться на «блаженном острове» он

Иллюстрация из книги аббата Прево, рисующая встречу героев в приюте

больше не хотел и тотчас отплыл на материк. Возможно, из тюрьмы, а может быть и раньше, аббат Прево писал в Ватикан и в Париж – просил прощения. И вот 5 июня 1734 года папа Климент XII отпустил ему грехи, простили его и бенедиктинцы. Но с условием: пройти новое послушание и в дальнейшем жить в монастыре. Прево вернулся в Париж, уже один, без Ленки. Она его бросила или он её, а может быть, они временно разлучились по взаимному согласию? Во всяком случае, во Франции их не видели вместе, и её имя исчезло из писем Прево.

Абсолютная власть удовольствий

Слаб человек, даже если он аббат. Да, он влюблялся без памяти, но ведь это ещё не порок. К тому же становление Прево как личности проходило в эпоху Регентства – время невероятной распущенности, когда абсолютизм королевской власти сменился абсолютной властью удовольствий.

Конец предыдущего правления (последние годы Людовика XIV) был самым ханжеским периодом в истории Франции. При дворе запретили игривые выражения, чувственную музыку и танцы, обнаженные плечи. Версаль превратился в такое скучное место, что, как говорили современники, «кальвинисты завывали бы здесь от тоски».

Но вот 1 сентября 1715 года с балкона королевского дворца прозвучало: «Король умер! Да здравствует король!» Новому монарху исполнилось всего пять лет. Регентом при будущем Людовике XV стал брат покойного короля Филипп II герцог Орлеанский. При его правлении двор, парижская знать, а затем и вся Франция пустились во все тяжкие.

Филипп с малолетства был, что называется, enfant terrible, а мужчиной он стал в тринадцать лет. Кстати будет сказать, для сравнения, о другом священнике, наставнике Филиппа аббате Дюбуа. По вечерам этот преподобный отец отправлялся, закутавшись в

плащ, на поиски стоворчивых прачек, беловшеек и горничных, чтобы привести их в спальню своего воспитанника. Сам аббат был необыкновенно похотлив, имел множество амурных приключений, случалось ему делить любовницу со своим учеником, а некоторые содержательницы парижских борделей были с Дюбуа накоротке.

Стоит ли удивляться, что Филипп в пятнадцать лет обесчестил тринадцатилетнюю дочь привратника в Пале-Рояле. А когда её беременность стала заметна, отец пришёл жаловаться матери негодая, принцессе Елизавете Пфальцской. Мамаша будущего регента заявила: «Если бы ваша дочь не давала надкусывать свой абрикос, ничего бы не случилось!»

Филипп женился семнадцати лет от роду, но в браке не получал удовлетворения и навещал спальню жены от случая к случаю. От этих случайных визитов у него родились сын и четыре дочери. А вне семьи Филипп коллекционировал любовниц. Надо сказать, что придворные дамы с удивительной настойчивостью лезли к нему в постель, о чём он со смехом рассказывал всем и каждому. Даже его крайне циничная мать недоумевала, что дамы в нём находят. На что Филипп отвечал: «Вы не знаете нынешних распущенных женщин. Им доставляет удовольствие, когда мужчины рассказывают, как спали с ними!»

Став регентом, Филипп назначил аббата государственным советником, а затем добился для него кардинальской шапочки. При этом Филипп нисколько не уважал Дюбуа и частенько его поколачивал.

Особенно часто мемуаристы и историки пишут об ужинах регента, которые скорее можно назвать оргиями. На них приглашался узкий круг дворян, около дюжины развратников и развратниц, которых хозяин называл не иначе как «висельниками». Здесь, как в блатном мире, каждый носил кличку: Толстый Рак, Пипка, Ляжка и тому подобное. «Царицей-султаншей» вечера назначалась очередная фаворитка регента. После еды и обильных возлияний гости возбуждали себя, представляя эротичные «живые картины», иногда при помощи «волшебного фонаря», а потом переходили непосредственно к делу, сначала попарно, а потом и сообща. В прихожей дожидались своего часа с десяток дюжих молодцов, именуемых «наконечниками». Они мирно беседовали о семье и детях, пока гости не ослабевали, и тогда «наконечники» входили и набрасывались на «висельниц».

Впрочем, это не самые грязные пороки, в которых подозревали Филиппа. Регент был не чужд художеств и собственноручно проиллюстрировал гравюрами роман «Дафнис и Хлоя». Утверждали, что в образе Хлои он изобразил свою дочь Марию-Луизу-Елизавету герцогиню Беррийскую, причём она позировала ему обнажённой. Слухи об инцесте были так распространены, что их и не оспаривали. Репутация дочери была немногим лучше отцовской. В поставленной в то время пьесе Вольтера «Эдип» вольно или невольно содержалось множество намёков на скандальную связь. Притом актёр Дюфрен не только надел такой же парик, как у регента, но и копировал его жесты. Зрители поглядывали в королевскую ложу, где сидел регент рядом с дочерью. Филипп хлопал громче всех.

Оборотной стороной страсти к наслаждениям была какая-то мистическая тяга к обогащению. Дела в государстве шли из рук вон плохо, а регент не утруждал себя заботами о Франции. Все ждали чуда. И оно явилось в лице шотландского банкира Лоу. Впервые он приехал в Париж ещё в 1708 году и «засветился» как игрок, поэтому его вскоре выслали из Франции. Но вернулся через восемь лет уже как финансист, основал банк и Западную торговую компанию, получившую монополию в торговле с Луизианой, ввёл в обращение процентные бумаги. За четыре года Лоу построил так называемую «Систему», которая, в сущности, стала прообразом «пирамид» в постсоветской России. Французы просто помешались на акциях и процентах, более миллиона семей прямо или косвенно ввязались в «Систему» Лоу. Регент так доверял ему, что назначил его главным финансовым контролёром.

Кризис подкрался незаметно: прекратились выплаты процентов, началась паника на бирже, пошла волна банкротств, взлетели цены. Лоу бежал из страны.

Для многих этот крах стал подлинной тра-

гедией. Но не для Версаля. Регент продолжал пополнять свою коллекцию. И только две женщины осмелились сказать ему «нет». Первая – это актриса Адриенна Лекуврёр, широко известная по книгам, пьесам и кинофильмам. А вот вторая героиня известна меньше, это мадемуазель Аиссе, черкешенка по происхождению, проданная в рабство в детском возрасте и выкупленная французским послом на невольничьем рынке в Константинополе. Воспитанная во Франции, она стала одной из самых примечательных женщин столетия. Так вот, когда регент впервые увидел её, ей было уже около двадцати пяти лет, она была очень хороша собой, образованна и остроумна. Регент со свойственной ему прямоотой тотчас сделал ей «предложение, от которого нельзя отказаться». Но бывшая рабыня решительно воспротивилась всесильному «султану», добавив: «А если вы будете принуждать меня, я немедленно удалюсь в монастырь». Филипп был так потрясён поведением Аиссе, что не стал настаивать. А через несколько дней утешился в объятиях новой любовницы.

Аббат Прево познакомился с мадемуазель Аиссе в одном из парижских салонов, и её драматическая судьба стала основой второго шедевра мастера – романа «История современной гречанки», опубликованного в 1740 году. А сама Аиссе узнала аббата Прево ещё раньше, по «Запискам знатного человека...».

На фоне современных ему нравов аббат Прево вовсе не представляется распутником. То же можно сказать о главных героях его повести «Манон Леско» – они невольники любви, но не рабы разврата.

Ужель та самая Манон?

Не вина, а, может быть, беда аббата была в том, что его привлекали женщины определённого типа: авантюристки и куртизанки с сомнительным прошлым, падкие до развлечений и легкой наживы. Может быть, по некоторому родству характеров: ведь и Прево порой давал волю страстям, преступал законы и условности. А может быть, наоборот, возмещал то, чего ему не доставало: безграничную свободу, какую-то природную естественность, свойственную женщинам, так сказать, без комплексов. Ведь сам он, согрешив, вечно переживал и в конце концов раскаивался. Теперь нетрудно заметить, что литературный образ Манон Леско сложился из характеров женщин, близких самому автору. А свою мятущуюся душу Прево отразил, как в зеркале, в образе де Грие и отчасти в образе его добродетельного друга Тибержа.

А сюжет? Ведь название повести начинается со слова «История...». Так не случалось ли подобных историй в жизни? Случались. Например, в 1720 году была осуждена и выслана из Франции девятнадцатилетняя Мари Шовиньи по прозвищу Манон. Она попала в приют за то, что «одетая в мужское платье, открыто занималась в Париже постыдной проституцией».

Но, скорее всего, аббата Прево впечатлила история Манон Эду. Собственная мать продавала её богатым сластолюбцам. Так Манон попала в руки молодого повесы, опустившегося дворянина Луи Антуана де Вьянтекса, уже дважды побывавшего в тюрьме. Он промышлял картежной игрой, но не слишком удачно. Де Вьянтекс решил поправить свои дела, перепродал Манон профессиональной сводне. Но тут появилась мамаша и закатила скандал, посчитав себя обманутой. Клиентами сводни были влиятельные люди, они договорились с полицией, и мать-скандалистка оказалась в приюте. Впрочем, скоро за ней последовала и дочь. Молодость и привлекательность Манон расположила к ней даже друзей, но режим был общим для всех: девушка носила одежду из грубой шерсти и деревянные башмаки, весь день она проводила в тяжёлой работе и молитве, питалась овощной похлебкой с хлебом, пить давали только воду.

И тут, как в чувствительном романе, произошла чудесная метаморфоза с негодяем де Вьянтеком. Он пожалел девушку, а пожалев, – полюбил. Он послал письмо деду Манон, единственному приличному человеку из всей семьи, с просьбой разрешить ему жениться на его внучке: «Моя страсть такова, что в жизни меня может утешить либо законное обладание предметом, ее внушающим, либо, при отсутствии этого, смерть от отчаяния». Возможно, де Вьянтекс, подобно кавалеру де Грие, последовал бы за своей Манон в ссылку,

Прижизненный портрет аббата Прево

но... Пока он ждал ответа, его самого арестовали и посадили в тюрьму.

Манон Эду не раз подавала прошения о помиловании или хотя бы смягчении наказания. Но суровая настоятельница приюта мадемуазель Байи жаловалась по начальству на «сильную испорченность этой девушки», и прошения Манон отклонялись. Только через 10 лет заключения Манон была освобождена из приюта и сослана в Нион. Ей исполнилось всего 24 года. Из всех персонажей этой истории она одна была скорее жертвой обстоятельств, чем преступницей, но пострадала больше остальных.

Конечно, любое сравнение хромает. Но случайно ли вот такое совпадение: в повести больше всех мучается кавалер де Грие, однако наказана, по высшему счёту, одна Манон Леско: она поплатилась жизнью.

Был прототип и у кавалера Грие. Шарль Александр де Грие тоже, как и герой повести, стал в юности кавалером Мальтийского ордена, вернулся во Францию и здесь встретил свою роковую любовь.

И преданный друг кавалера – Тиберж – тоже жил на самом деле. Им оказался аббат Луи Тиберж, настоятель монастыря в Мисьоне. Этот почтенный священник умер незадолго до первой публикации повести.

Автор удивительно точен во всём. Чтобы так писать о богословской школе или тайном сообществе картежников, о порядке отправки ссыльных в Америку или об ужине у вельможи, о тюрьме или провинциальном трактире – это надо было изведать на собственном опыте. Эпоху, отражённую в «Манон Леско», можно с полным основанием называть «временем аббата Прево».

Повесть впервые вышла отдельной книгой во Франции в 1733 году, незадолго до возвращения автора на родину. Лишь немногие читатели оценили её по достоинству, но в основном она была воспринята как авантюрные похождения, вроде известного «Жилия Блаза». Парижская газета сообщала о «Манон Леско» следующее: «Герой – мошенник, героиня – публичная девка, и всё же автору каким-то

слова, именно такая, какою всегда была, есть и будет женщина».

Историей Манон увлекались и русские поэты Серебряного века. У Всеволода Рождественского есть стихотворение:

Легкомысленности милый гений,

Как с тобою дышится легко.

Без измен, без нежных приключений

Кем бы ты была, Манон Леско?

Но, строго говоря, никому не удалось объяснить своеобразие характера Манон Леско, она неизъяснима в странном единстве своих противоречий.

Наконец свободен

После возвращения из Англии аббат Прево стал желанным гостем в светских и литературных салонах, познакомился с выдающимися учёными и писателями. Но пора было отдавать священный долг: новое послушание ему предстояло пройти в аббатстве Круа-Сен-Льё возле Эврё.

Жить бы ему в монастыре и после испытания, но тут аббату повезло. Принц Конти, кузен короля и знатный вельможа, пригласил Прево в свою свиту на должность придворного священника. «Признаться, я плохо служу мессы», – предупредил аббат. «А я их плохо слушаю», – успокоил Конти. На том они и сговорились: Прево получал желанную свободу, мог жить где угодно, но и жалованья ему, естественно, не платили.

Тут как тут появилась некая мадам Честер, а на самом деле, как полагают некоторые биографы Прево, наша знакомая Ленки.

От безденежья Прево брался за любую работу. Писал статейки даже в рукописные журналы, которые сегодня назвали бы «жёлтой прессой». Постепенно соблазны и страсти утрачивали власть над мятежной душой аббата. В середине 40-х годов Прево снял маленький домик в деревне Шайо под Парижем (там, между прочим, останавливались его создания – кавалер де Грие и Манон Леско).

Писал он очень много: романы, исторические исследования, переводил с английского. В эти годы вся Европа зачитывалась сентиментальными романами Самюэля Ричардсона. Аббат Прево перевёл на французский лучшие его книги – «Клариссу» и «Историю сэра Чарльза Грандиссона». Именно эти переводы попали в Россию и почти на столетие сделали любимым чтением русских барышень (помните, в «Онегине»: «И неподобный Грандиссон, / Который нам наводит сон»).

Появлялись всё новые издания «Манон Леско» во Франции и в других странах. Кстати, одно из первых русских изданий называлось «История Маши Леско и Кавалера Де-Грие». Появилось и «пиратское» продолжение повести: Манон будто бы осталась жива и считала себя брошенной на произвол судьбы; она уже решила уйти в монастырь, но тут случайно встретила де Грие; теперь они решили поженились, но вдруг оказалось, что Тиберж тоже страстно полюбил Манон...

В 1754 году аббат Прево получил наконец свой приход, а с ним и бенефиций – постоянный доход с церковного имущества. Теперь он мог не думать о хлебе насущном. Аббат Прево поселился в тихом парижском предместье Сен-Фирмен, в небольшом домике у почтенной вдовы Катрин де Женти.

25 ноября 1763 года аббат Прево отобедал в бенедиктинском монастыре Сен-Николя и возвращался домой в прекрасном настроении. Ветер трепал полы его сутаны, приходилось рукою удерживать на голове треуголку. Примерно на полпути, возле деревни Куртейль, Прево почувствовал, как кровь приливает к лицу. Неподальку стоял крест на невысоком постаменте, такие придорожные кресты французы называют «голкофой». Аббат хотел присесть на постамент, но не дождался нескольких шагов и распростёрся перед крестом. Когда крестьянин, возвращавшийся в деревню, нашёл его, было уже поздно. Антуан Франсуа Прево отправился туда, «где нет ни печали, ни воздыханий, но жизнь бесконечная», как гласит поминальная молитва.

Его похоронили в монастыре Сен-Николя. На могильной плите бенедиктинцы высекли эпитафию: «Здесь лежит отец Антуан Франсуа Прево, священник и монах, известный по многим книгам. Да упокоится он с миром!»

А жизнь Манон Леско и кавалера де Грие только начиналась. Они путешествовали по разным странам и говорили на разных языках, шагнули на драматическую и оперную сцены, появились на киноэкранах. Им уготована жизнь бесконечная. ■

НЕИСТООВЫЙ ШЕВАЛЬЕ

Сергей МАКЕЕВ

Специально для «Совершенно секретно»

Несколько лет назад я рассказал читателям «Совершенно секретно» о необычной литературной мистификации.

Два заключенных ГУЛАГа, Юрий Вейнерт и Яков Харон, придумали французского поэта XVI века Гийома дю Вентре, сочинили ему героическую биографию, написали за него целый цикл сонетов «Злые песни». Вымышленный поэт и его стихи стали известны среди любителей поэзии, даже некоторые специалисты клонули на мастерскую выдумку. Но Вейнерт и Харон, в отличие от других мистификаторов, не стремились исключительно к розыгрышу. Их вымышленный герой помогал авторам выживать в нечеловеческих условиях.

Эта мистификация оказалась с двойным дном: у Гийома дю Вентре был реальный прототип – французский поэт и воин Теодор Агриппа д'Обинье.

Во имя веры

Д'Обинье поздно обзавелся семьей. Как многие немолодые отцы, он не умел общаться с детьми. Когда же сын Констан, дочери Мария и Луиза подросли, отец усадил их перед собой и заговорил:

– Я не рассказывал вам сказок, потому что в моем детстве я их тоже не слышал. Настало время поведать вам историю моей жизни. Может быть, вы поймете своего отца и простите его суровый нрав: все слезы я пролил много лет назад, а улыбки раздарил и того раньше...

Я родился в 1552 году в благородной семье Жана и Катарины д'Обинье. Матушка моя ужасно мучилась при родах, бедняжка испустила дух, едва услышав мой первый крик. Поэтому меня назвали Агриппой, что значит по-латыни «рожденный в страданиях». Однажды, когда мне было лет шесть, я лежал в своей постели без сна, как вдруг в комнате появилась смертельно бледная женщина, бесшумно откинула полог, поцеловала меня в лоб и тотчас исчезла. Я до сих пор ощущаю ледяной поцелуй на моем челе. Впоследствии множество раз меня охватывало отчаяние при мысли, что я был невольной причиной смерти матери...

Отец нанимал для меня лучших учителей, приглашал их даже из Парижа. В семь лет я уже читал, писал и говорил на четырех языках, перевел с греческого один из диалогов Платона. Да, у меня были задатки ученого, философа, но Бог судил иначе...

Мой отец был убежденный гугенот, один из вождей протестантов. В восемь с половиной лет он взял меня с собой в Париж. С нами ехали около двадцати дворян, разделявших наши убеждения. Проезжая город Амбуаз в ярмарочный день, мы увидели страшное зрелище: на площади возвышался залитый кровью помост, на котором были выставлены головы только что казненных дворян-гугенотов; тела их товарищей простого звания болтались на виселице. Их казнили по ложному обвинению в заговоре против короля. Мой отец воскликнул: «Палачи! Они обезглавили Францию!» Потом он возложил руку на мою голову и сказал: «Дитя мое, когда упадет и моя голова, не дорожи своею, чтобы отплатить за этих достойных вождей нашей партии. Если ты будешь щадить себя, да падет на тебя мое проклятие!» При этих словах нас начали окружать горожане-паписты, возмущенные такими речами. Но мы дали шпоры коням и прорвались сквозь толпу фанатиков.

В Париже я учился у мудрейшего Матье Бераальда и жил в его доме на полном пансионе. Но в апреле 1562 года гугеноты под командованием принца Конде штурмом взяли Орлеан, и началась настоящая война. По королевскому эдикту гугенотов преследовали и изгоняли из Парижа. На самом же деле их грабили, убивали и даже сжигали. Мой учитель

История поэта и воина Агриппы д'Обинье

Бераальд велел нам взять с собой самое необходимое и готовиться к бегству. Я в последний раз бросил взор на его прекрасную библиотеку, и слезы невольно брызнули из очей. Заметив это, Бераальд сказал: «Гордитесь, юноша: в вашем юном возрасте вам выпала честь потерять кое-что ради того, кто все это вам даровал!»

Поздно ночью наш маленький отряд – Бераальд, его жена, их сын, я и двое слуг – тайно выбрались из Парижа. Мы направились в Орлеан, минуя города. Но отряды католиков подстерегали спасающихся бегством гугенотов на всех дорогах. Мы нарвались на отряд легкой конницы под командованием шевалье д'Ашона, уже прославившегося грабежами и насилиями. Нас допрашивал инквизитор, меня отдельно от остальных; его взбесили мои твердые и простодушные ответы. Взглянуть на меня пожелал и командир сотни. «Вы все осуждены на сожжение, – сказал мне д'Ашон. – Но ты еще можешь спастись, если отречешься от ереси». Я ответил: «Католическая месса для меня страшнее костра».

В ночь перед казнью мы молились, как вдруг дверь тихо отворилась и вошел стороживший нас дворянин. Он поцеловал меня в щеку и прошептал: «Я слышал твои слова, и могу сказать, подобно Христу: вера твоя спасла тебя. Я либо погибну, либо выведу вас отсюда, ради этого отрока!» Бераальд обещал офицеру, что его с честью примут в Орлеане, а мой отец возьмет его на службу. В полночь офицер вернулся с двумя единомышленниками и провел нас мимо стражи.

Много опасностей подстерегало нас в пути, однажды мы попали под огонь аркебуз, но Бог нас хранил, и мы достигли Орлеана. Мой отец, один из командующих обороной, устроил нас в хорошем доме, хотя весь город был наводнен беженцами.

И тут разразилась чума. За полгода умерли

тридцать тысяч человек. Я тоже слег и метался в бреду, затем заразились еще четверо в нашем доме, в том числе кроткая госпожа Бераальд. Вскоре заболел даже лекарь, пользовавшийся нас. Только в ноябре 1562 года чума отступила.

В это время солдаты моего отца захватили в плен шевалье д'Ашона, нашего мучителя. Солдаты позвали меня посмотреть на пленника. Они подстрекали меня к ругательствам и издевкам, но я сказал только: «Вы бесчеловечны, сударь!» Оскорбляя поверженного, я бы уподобился этому грабителю и насильнику.

В боях за Орлеан мой отец не раз ходил в рукопашную, и в одном бою получил удар копьём под кирасу. Едва оправившись от раны, он принял участие в мирных переговорах с католиками, и даже был назначен докладчиком по делам гугенотов в королевском совете. Но силы оставляли его. Отец позвал меня и сказал: «Помнишь ли мои слова, произнесенные перед плахой в Амбуазе? Люби Бога, науки и своих товарищей», – и поцеловал меня, чего никогда не бывало прежде. Он уехал, но в пути рана его открылась, нагноилась, и отец скончался – как раз в этом треклятом Амбуазе.

Три года я учился в Орлеане, затем мой родственник, назначенный опекуном, отправил меня продолжать образование в Женеву. Там я учился в коллеже еще два года, читал труды раввинов на древнееврейском, легко слагал латинские стихи. Но, в конце концов...

Д'Обинье запнулся. Он решил умолчать о том, как бежал из коллежа. Учеба ему уже приелась, кроме того, в коллеже процветал разврат. Впоследствии д'Обинье слышал, что одного юношу из женевского коллежа, Бартоломе Тесья, казнили за содомский грех – утопили в Роне. Не стал он говорить и о том, как в Лионе бес противоречия толкнул его от богословия к изучению астрологии и магии. Измученный сомнениями, без родных, друзей

и без гроша в кармане он оказался на мосту через Сону и был уже готов броситься вниз, но решил напоследок прочитать молитву. И когда произнес последние слова «жизнь вечная», его окликнул всадник. Это был его кузен де Шийо, прибывший с деньгами и прощением от опекуна. С тех пор д'Обинье окончательно уверовал в Провидение.

– Ну, что же было дальше? – спросил Констан с нетерпением.

– Война, мои милые, снова война между католиками и протестантами, – продолжал свой рассказ д'Обинье. – Я жил в доме опекуна в Сентонже как настоящий затворник: опекун даже уносил на ночь мою одежду из спальни, чтобы я не убежал сражаться! Однажды неподалеку остановились на привал аркебузиры под командованием капитана Сен-Ло. Вечером я видел, как они тушат костры, слышал, как седлают лошадей. Я связал простыни и спустился из окна в одной ночной рубашке, перелез через две стены, в полной темноте чуть не свалился в колодезь, но все-таки догнал отряд. Капитан и солдаты с изумлением смотрели на меня: в белом балахоне с израненными в кровь ногами я, должно быть, походил на святого мученика. Господин Сен-Ло хотел сначала отправить меня обратно к опекуну, но потом усмехнулся: «Ладно, пусть это привидение пугает папистов!» – и посадил меня на лошадь у себя за спиной.

Буквально в одном лье от Сентонжа мы увидели роту папистов, и наш отряд сходу атаковал врага. В этом бою я добыл себе аркебузу и боеприпасы, но побрезговал взять хоть что-нибудь из одежды. Только когда наш отряд присоединился к армии принца Конде, мне выдали обмундирование, и я стал полноправным солдатом.

Зимний поход был очень тяжелым, мы вязли в грязи, мерзли в болотах, никогда не ели досыта и всегда недосыпали. А стычки, сражения и штурмы были столь ожесточенными, что я не раз вспоминал Псалом царя Давида: «Неукротимый человек укрощен будет страданиями...» Мою храбрость заметил сам принц Конде и послал ко мне своего придворного с предложением служить в свите. Я посчитал такое предложение оскорбительным в самый разгар войны, да и посланец держал себя так заносчиво, что я ответил: «Занимайтесь лучше своим делом – содержанием псов и лошадей принца!»

Вскоре погиб славный принц Конде, нашу армию возглавил адмирал Гаспар де Колиньи. В сражениях участвовал и Генрих Наваррский, будущий король Франции. Именно тогда мне впервые поручили командование отрядом из двадцати аркебузир. С этими молодцами в бою при Жонзаке мне удалось опрокинуть две роты итальянцев-наемников. В дальнейшем я командовал первой ротой конных аркебузир, и не раз выручал весь наш полк.

После взятия города Понса вновь был заключен мир. Но незажившие раны и жесточайшие приступы лихорадки свалили меня. Я был оставлен на излечение в замке Тальси. Здесь меня настигла, как гроза, первая любовь. У хозяина замка шевалье Сальвиати была красавица-дочь Диана. Я вынужден был таить свое чувство – для вельможного рода Сальвиати я, простой дворянин, был все равно что мужлан, пахнувший лошадиным потом и дымом бивуачных костров. Но, главное, мы были разных вероисповеданий. Итак, уста мои были немы, но сердце не могло молчать, и я сочинил цикл сонетов «Жертвоприношение Диане». Оказалось, что Диана – племянница Кассандры Сальвиати, которую воспел в своих сонетах наш кумир – поэт Ронсар. В книге «Любовь к Кассандре» король поэтов, глава Плеяды, писал:

Любя, кланю, дерзаю, но не смею,
Из пламени преображаюсь в лед,
Бегу назад, едва пройдя вперед,
И наслаждаюсь мукою моею.

Ронсар упивался своей любовной мукой, но находил в ней удовольствие. Моя боль неразделенной любви была сродни кровоточащей ране. Вот что я чувствовал тогда:

Врагами окружен со всех сторон,
Я взоры закалил пролитой кровью;
Держу пицаль поближе к изголовью
И мига жду внезапных оборон...

Прости же мне, богиня, что любовный
Мой стих, неловкий часто и неровный,
Пороховым окурен весь огнем...

Да, сам Ронсар хвалил мои сонеты, хотя
ему непривычно было слышать в них не жур-
чание ручейка, а скорее звон оружия...

Я уехал из Тальси в Париж, надеясь на
быстрое возвышение, которое уравнило бы
меня в знатности с родом Сальвиати...

Кровавая свадьба

– Королевский двор, весь Париж готовились к
свадебным торжествам, – рассказывал
д’Обинье. – Молодой король Наварры Генрих
Бурбон женился на принцессе Маргарите
Валуа, которую уже тогда многие называли
«королева Марго». Правивший король Карл
IX и королева-мать Екатерина Медичи заявля-
ли, что брак короля-протестанта с принцес-
сой-католичкой примирит враждующих. Был
оглашен королевский ордонанс, запрещаю-
щий в дни торжеств любые стычки по религи-
озным причинам. Но я не верил в добрые
намерения католиков, чувствовал, что мы в
Париже как в западне.

Свадьба состоялась, однако... Я видел зме-
инные ухмылки семейства Гизов – предводите-
лей фанатиков-папистов. На улицах и даже в
самом дворце нас, гугенотов, оскорбляли,
намеренно втягивали в драку. Однажды на
улице я не стерпел и вызвал обидчика на
дуэль. Едва мы обнажили шпаги, как появи-
лась стража. Обороняясь, я ранил сержанта, и
мне пришлось бежать из Парижа. Бог снова
спас меня.

Это было в канун дня святого Варфоломея.
В полночь грянул колокол, и вооруженные
католики набросились на беззащитных гуге-
нотов. Их убивали на улицах, в их домах, в
самом дворце. Трупы сбрасывали в Сену, и
вскоре река стала кровавой. Был убит наш
полководец адмирал де Колиньи. Генрих
Наваррский уцелел только благодаря заступ-
ничеству молодой жены.

Такая же резня началась и вокруг Парижа –
города Тур, Амбуаз, Божанси, Блуа, Орлеан
были разграблены, две тысячи гугенотов уби-
ты. Мне удалось собрать отряд из восьмидеся-
ти человек, мы двинулись к Парижу без опре-
деленного плана. А навстречу нам шли опья-
ненные кровью убийцы. В бою мы брались за
руки, чтобы каждый видел доблесть или тру-
сость товарища. Так мы выступили против
шестисот папистов и спасли город Мер от
уничтожения.

Впечатления этих дней, рассказы уце-
левших очевидцев уже тогда складыва-
лись в стихи, но я их не записывал,
носил в сердце и в памяти.

Нет, это не война. Там грудь броней
прикрыта,
Там сталь поверх одежд – надежная
защита,
Здесь отбиваются лишь криком да
рукой,
Один вооружен, но обнажен другой...
В темницах, во дворцах, в особняках
вельмож,
Везде идет резня, гуляет меч и нож...

Когда я пробрался в Париж, картины кро-
вавого пиршества еще сотрясали душу – тру-
пы не убраны, кровь не замята. Даже Сена
еще не унесла своих мертвецов – они скопи-
лись под опорами мостов. Я видел два тела,
сплетенных в смертельном объятии.

Обмотана коса вокруг скобы в устье
Злосчастного моста. И странной красо-
той
Застывший бледный труп мерцает под
водой...

Она ждала к себе возлюбленное тело,
К супружеской груди она прильнуть
хотела...

И вот он сброшен вниз, где мертвая
супруга,
Качаясь на волнах, ждала на помощь
друга...

А королева-мать со всей своей оравой
Отправилась глядеть плоды резни кро-
вавой.

– Я направился в Ла-Рошель, – продолжал
д’Обинье, – это был главный оплот протес-
тантских сил. Около одной деревенской
гостиницы меня узнал офицер-католик. Он
направил на меня своего арабского скакуна и
сбил с ног, но я вскочил и нанес удар шпагой
под кирасу. Мой противник упал с коня, мы
продолжили драться на земле, я победил, но
получил две глубокие раны. Приглашенный
лекарь нашел их опасными. Несмотря на его
запрет, я приказал отнести себя в замок

**Во время Варфоломеевской ночи 24
августа 1572 года в Париже католики
убили несколько тысяч гугенотов**

Тальси, чтобы умереть у ног любимой. Но...
моя горячность не растопила холодность
Дианы, а ее родные решительно отказали мне
даже в надежде... На прощанье я получил от
любимой прядь ее чудесных темных волос. Я
приказал сплести из них браслет и всегда
носил его на правой руке.

– Почему именно на правой? – спросила
Мария.

– Потому что в правой руке я держал шпа-
гу. Моя шпага всегда охраняла этот дорогой
для меня амулет.

В клетке Павлина

– В это время Генрих Наваррский был в Лувре
пленником или, точнее, заложником, – рас-
сказывал д’Обинье. – Ему советовали при-
влечь меня в свиту. «Я слышан о его слав-
ном отце, а каков сын?» – спросил Генрих.
«Это человек, который ничего не боится», –
сказали ему. Так я получил придворную долж-
ность оруженосца. Мы с Генрихом были свер-
стниками, и некоторое время нас связывала
настоящая дружба. От Генриха Наваррского
добились возвращения в католическую веру,
но это была вынужденная уступка. Генрих
часто давал мне секретные и опасные поруче-
ния, фактически я был связным между ним и
гугенотами страны. Королева-мать содержала
до тридцати шпионов и кое-что знала о моей
тайной миссии; однажды, встретив меня во
дворце, она прошептала: «Вы похожи на своего
отца!» Я ответил с учтивым поклоном: «И сла-
ва богу, если это так!»

Меня не любили при дворе. Я был слиш-
ком прямодушен, тверд в своих убеждениях и
не скупился на резкие оценки. Однажды три
фрейлины королевы – им вместе было лет
полтора – стали посмеиваться надо мной,
намекая, что таким простофилям не место в
Лувре. «Что это вы здесь созерцаете?» – про-
гнусавила одна из них. Я так же гнусаво ей
ответил: «Древности двора, сударыня!..»

...Тут девочки засмеялись и захлопали в
ладоши. Отец шуточно погрозил им пальцем:

– Смотрите, никогда так не говорите дамам
в возрасте! – и продолжал: – Такому, как я,
трудно ужиться при дворе. Царедворцу надоб-
но иметь гибкую спину, уметь угождать госпо-
дину, любить красоваться. Я в те поры набро-
сал такой сонет о придворной жизни:

Едва Павлин свое распушит оперенье,
Сверкающим хвостом любуйся, птичий
двор!

Придворный Кавалер, ферт, щеголь и
позер,
От самого себя в великом восхищенье.
А за душой пустяк! Дойдет ли до сраже-
нья,
Где храбрость их, где пыл, где ратный их
задор?

От первого ж врага сбегут во весь опор,
Не ведая стыда, забывши униженья.

Конечно, и у меня бывали тогда увлечения
и приключения, то забавные, то опасные. Но я
лишь прикидывался «своим». Я тайно готовил
побег Генриха Наваррского. Кроме меня в
заговоре участвовали еще двое дворян. Мы
покаялись никогда и никому не открывать
обстоятельств побега, и я верен данному сло-
ву поныне. Всем известно лишь одно: пятого

февраля 1576 года нам удалось
вывести Генриха Наваррского из
Парижа.

Вскоре к Генриху присоеди-
нилась королева Марго, затем его
свита, и образовался «кочевой
двор», впоследствии он обосно-
вался в замке Нерак на берегу
Гаронны. Здесь установились такие
же нравы и правила, какие царили
в Лувре. Я, как оруженосец, всегда
сопровождал своего государя, увы,
частенько и в его любовных
похождениях. Однажды ночью на
нас напала шайка каких-то бродяг,
и я один, со шпагой и кинжалом,
спас короля. Но я осуждал Генриха
и заявлял, что не желаю прослать
его сводником. Кроме того, я был
против любых переговоров с като-
лическими попами. Моя прямота и
сплетни придворных интриганов
отдалили нас друг от друга.

До поры я все прощал Генриху Наваррскому,
потому что он вернулся в нашу веру, был
нашим гугенотским королем. Полки протес-
тантов вновь развернули знамена, и я все
чаще оставлял двор, чтобы участвовать в важ-
нейших битвах. Я всегда шел впереди моих
солдат, показывая всем свое презрение к смер-
ти. В бою при Марманде я был тяжело ранен;
врачи считали, что дни мои сочтены. Ко мне
пришел местный судья, чтобы составить заве-
щание. «Запаситесь чернилами и пишите», –
сказал я ему. И начал диктовать главы
«Трагических поэм»:

Лик скорбной Франции изобразить мне
надо:

В объятьях матери свирепо бьются чада...

Но Господь и на этот раз пощадил меня. Я
вернулся ко двору Генриха Наваррского, как с
того света, и был принят холодно, как покой-
ник. В конце концов я стал просить об отстав-
ке. В письме королю я напомнил, «что рука,
которая вам это пишет, открыла засовы вашей
тюрьмы и, служа вам, осталась свободной от
благодетний...»

В тот же день я увидел старую бродячую
собаку и узнал недавнюю любимицу короля,
она часто лежала у наших ног. Теперь ее
выгнали вон, и она подыхала от голода. Я
велел ее накормить, вымыть и расчесать, а
назавтра подвести ее к королю. К ошейнику я
привязал наскоро сочиненный сонет. Генрих с
удивлением развернул послание и, конечно,
узнал мою руку.

Сир! Этот верный пес, который с вами
встарь

В покоях ваших спал, на королевском
ложе,
Спит нынче на камнях. Однако кто мог
строже
Чутьем распознавать, где друг и где бун-
тарь?

...Придворные! Зачем вы гоните сурово
Пса изнемогшего без пищи и без крова?
Такая благодарность ждет за службу вас.

Мне говорили, что, прочитав эти стихи,
Генрих изменился в лице. Он сказал, что все
еще считает меня своим верным подданным,
что он прикажет вернуть меня... Но я был уже
далеко. Я намеревался продать свое имуще-
ство и снова ввязаться за оружие.

Честь и благородство

Проезжая город Сен-Желе, я увидел в окне
девушку, чья красота поразила меня. Это была
Сюзанна де Лезе, моя будущая жена и ваша
мать, дети. Мы так любили друг друга, и наши
сердца зачастую обходились без слов. Когда
мне случалось вспомнить Диану Сальвиати,
Сюзанна тотчас догадывалась об этом и стра-
дала. Я даже написал об этом сонет:

Сюзанна слышала: вздыхал я по Диане,

И вдруг заплакала, но тщетно: рядом с ней
Мои стенания звучали все сильней...

Немного времени мы проводили вместе.
Мой долг звал меня то на войну, то к моему
королю. Я командовал бригадой конницы,
моих всадников прозвали «албанцами» – они
почти не покидали седел, а в бою были насто-
ящими дьяволами.

В 1580 году Генрих Наваррский снова при-
звал меня к себе и встретил почти
по-родственному. Вскоре я снова спас его.
Один дворянин, испанский офицер-наемник
Лоро попросил аудиенции у короля. Я как раз
находился в его покоях. Лоро сказал, что хочет
вручить королю некое важное послание, но
вместо письма вдруг выхватил кинжал. Я
мгновенно встал между ним и королем, пере-

хватил руку убийцы и скрутил его.

Когда я вернулся ко двору, королева Марго
была со мной подозрительно ласкова.
Вероятно, она в это время приискивала ново-
го фаворита. Я не только не поддался на ее
чары, но и не скрывал своего отношения к ее
легкомыслию. С тех пор Марго постоянно
чинила мне козни, наговаривала на меня
королю и наконец на коленях умоляла удалить
меня от двора. И Генрих уступил – о, что с
нами делают женщины! Правда, мне он шеп-
нул, что делает это для виду.

А я с легким сердцем снова отправился
воевать. Причем, на этот раз я сражался не
только на суше, но и на море – захватил
остров Олерон, прикрывающий с моря подхо-
ды к Ла-Рошели. Меня назначили губерна-
тором Олерона, но недолго я там правил. Мне
пришлось отправить свой отряд на подмогу
нашим в Сенту а в это время католики под
командованием шеваля Сен-Люка высади-
лись на Олерон. Я оказался в плену, Сен-Люк
лично отвез меня в тюрьму города Бруажа.
Этот благородный дворянин относился ко
мне с глубоким уважением. Я обратился к
нему с просьбой отпустить меня на несколько
дней в Ла-Рошель; я поклялся, что вернусь в
тюрьму в воскресенье к пяти часам вечера.
Моего слова Сен-Люку было довольно, и меня
отпустили. И вот в воскресенье утром в
Ла-Рошель прибыл нарочный от Сен-Люка с
известием: из Парижа прибыл отряд королев-
ских войск с приказом доставить меня к коро-
лю, дабы предать смерти. Что было делать?

– Не возвращаться в тюрьму! – воскликнул
Констан.

– И нарушить слово чести? И подвести под
суд благородного Сен-Люка? – д’Обинье пока-
чал головой. – Нет, я не мог так поступить.
Друзья в Ла-Рошели буквально повисли на
мне, но я вырвался и вернулся в тюрьму.

Были тогда совсем еще крошками и
наверняка остались бы сиротами, но мило-
сердный Бог сотворил чудо: как раз в это вре-
мя наши войска захватили королевского
наместника, состоялся обмен пленниками, и я
вернулся к своим.

Этот случай заставил меня о многом задуматься.
Такие люди, как Сен-Люк, тоже идут
на смерть за веру! А если я и мои единоверцы
заблуждаемся? Я обложился книгами и шесть
месяцев изучал спорные вопросы, расхожде-
ния между католиками и кальвинистами,
аргументы богословов с той и с другой сторо-
ны. Шесть месяцев я не поднимал головы от
книг – и только утвердился в своей вере. С тех
пор не было в нашей партии более опытного и
знающего полемиста, чем я.

Исполненный долг

– Как же Генрих Наваррский стал королем
Франции? – спросила Луиза.

– А вот как, слушайте. Первого августа
1589 года фанатик-католик смертельно ранил
последнего короля из династии Валуа.
Умирающий призвал к себе Генриха
Наваррского, чтобы признать его наследни-
ком престола, первым королем из династии
Бурбонов. В эту опасную поездку Генрих
Наваррский взял меня с собой. Отправляясь
во дворец, мы, наученные горьким опытом,
надели под камзолы кольчуги и панцири.
Начались переговоры о признании нового
короля, католики требовали от Генриха отрече-
ния и покаяния. Генрих Наваррский запи-
рал меня в одной из комнат дворца, чтобы я
своим упрямством не мешал ему.

Католическая знать объединилась в
Католическую лигу, не признававшую нового
короля Генриха IV и наших прав на свободу
вероисповедания. В руках лиги оказался
Париж и многие города. Война вспыхнула с
новой силой. Надо сказать, Генрих IV сража-
лся храбро и часто воевал в атаку. В
битве при Иври он укрепил белый султан на
шлеме, чтобы все его видели издали. Когда
же его солдаты начали отступать, он закричал:
«Если вы не хотите сражаться, посмотрите
хотя бы, как я буду умирать!» Пристыженные
этими словами, отступавшие бросились на
врага и победили.

Однако Генрих все чаще задумывался об
окончательном переходе в католичество.
Многие вельможи подбивали его на этот шаг.
Большое влияние на короля оказывала его
любовница Габриэль д’Эстре, убежденная
католичка. Наконец, Генрих принял роковое
решение и отрекся от своей веры. «Париж сто-
ит мессы», – сказал он. И после этого был при-
знан всеми как полноправный монарх.

Я считал своим долгом остановить Генриха.

Передплатити можна також на сайті market.umh.ua, за телефонами: (044) 207-97-25, 207-97-22, 063 648 07 72, 068 204 45 02 або написати нам на market@umh.ua

НЕСКОЛЬКО ЖИЗНЕЙ МИСТЕРА ФО

Сергей МАКЕЕВ

Специально для «Совершенно секретно»

Он был проповедником, мореплавателем, торговцем, журналистом, тайным агентом Ее Величества. Он тринадцать раз становился богат и снова разорялся. Но самое главное дело своей бурной жизни он совершил более 300 лет назад и обрел бессмертие. В 1719 году на книжных прилавках Лондона появилась его книга о необычайных приключениях Робинзона Крузо.

Похоже, так было всегда и везде: его обвиняли в «экономических преступлениях», а на самом деле преследовали за инакомыслие. Самое начало нового века, но нравы еще дикие. Законов много, а правды нет, и все в руках судебных. А судьи – кто?..

И он написал письмо на самый верх. Уверял, что его не так поняли, а он ничего дурного не замыслил. Теперь же, осознав свои ошибки, он может с новыми силами послужить отечеству.

Знакомая история, не правда ли?

Из мясников и протестантов

Его предки были фламандцы, носившие фамилию де Фо. Они приехали с континента еще во времена «старой доброй Англии» (англичане всегда относят «старые добрые времена» лет на сто-двести назад). В Европе католики бились с протестантами, и тысячи европейцев устремились через Ла-Манш. Англия вела себя расчетливо: всех принимала и никого не выдавала. Благодаря объявленной «веротерпимости» она привлекла тысячи волевых и предприимчивых людей, готовых начать жить заново. Неудивительно, что Британия быстро стала лидером Европы и «владычицей морей».

В Англии де Фо стали звать просто Фо. Зато никто не покушался на их веру, не обидел, не притеснял. Старший Фо завел в Лондоне мясную торговлю, был принят в цех лондонских мясников. Его сыновья обзавелись собственными мастерскими и лавками. В 1660 году в семье Джеймса Фо родился сын Даниель.

Но в 1662 году был издан «Закон о церковном единообразии». Истинно христианской объявлялась только англиканская церковь. А протестанты «европейского образца» и пуританского толка назывались раскольниками. Это на словах, а на деле любой поступок раскольника могли расценить как «умысел против короля».

Так маленький Даниель Фо, крещенный в приходе Святого Джайлса, что у Кривых Ворот в лондонском Сити, в возрасте двух лет был от этой церкви отлучен. Многих добрых христиан-протестантов осудили безвинно, бросили в тюрьмы или продали в рабство – даже такой приговор был в арсенале английского правосудия.

И словно наказание Божье, беды обрушились на Англию. Через три года, в 1665-м, – страшная эпидемия чумы. Она выкосила пятую часть населения Лондона, больше всего пострадал центр, Сити, где и жили Фо. Но уже в следующем, 1666-м (число-то какое зловещее!), случился тот самый «большой лондонский пожар», превративший город в руины... А потом войны, одна за другой, слившиеся в большую войну за передел мира.

Приходские школы и оба университета – Кембридж и Оксфорд – были закрыты для Даниеля. Он учился в семинарии протестанта Чарльза Мортон, талантливого проповедника и педагога. Про своих одноклассников

Даниель впоследствии вспоминал: «Они могли бы составить славу своего учителя, но сделались мучениками». Среди его друзей в «академии Мортон» был и Тимоти Крузо. Запомним эту фамилию.

Даниель поднимает паруса

Отец записал сына в лондонский цех мясников. Он хотел, чтобы сын пошел по дедовским или отцовским стопам. Даниель был деятельным по натуре, предпринимательство было у него в крови. Но не за торговым прилавком видел он себя. И он ушел в море.

В то время редкий юноша не стремился поднять паруса. И дело тут вовсе не в романтике дальних странствий. За морем каждый пенс превращался в полновесный фунт. Половина богатств Англии приплывала морским путем. Правда, и сами искатели заморских богатств частенько находили вечный покой под волнами. Но какой юнец принимает это обстоятельство в расчет!

И вот Даниель с контрабандным грузом вина отправляется в первое плавание. Он изведal все и сразу: океанские волны, мучительную морскую болезнь, нападение алжирских пиратов, отбитое лишь благодаря появлению английского сторожевого судна. Натерпелся он страху и оттого, что контрабандный груз в трюме мог быть обнаружен. Пришлось вскрыть несколько бочек и хорошенько угостить спасителей, чтобы усыпить их бдительность. В дальнейшем Даниель избегал морских путешествий.

Но с коммерческой точки зрения предприятие было удачным. Даниель посетил Францию, Италию, Испанию и Португалию. Ему предлагали место постоянного торгового агента в Кадиксе, но он отказался. И вернулся в Англию – по суше через всю Европу (пролив Ла-Манш не в счет).

Уехал юношей, вернулся мужчиной. Появились опыт и уверенность в себе, завелись деньги. В 1684 году Даниель женился на

дочери купца-винооторговца, получил в приданое целое состояние – 3700 фунтов! Взял в компаньоны брата жены и мужа сестры и открыл торговлю галантерейными товарами, притом с европейским размахом. Но и вином, бывало, приторговывал. Правда, в «пьяном» бизнесе придерживался пуританских принципов: выступал против джина, буквально залившего тогда города Англии, и вообще крепких напитков.

Политическая ситуация в Англии накалялась. Умер Карл II, скрытый католик, симпатизировавший Франции, и трон унаследовал его сын, Джеймс I (Яков), католик явный и французский протеже. Протестанты всех исповеданий временно объединились против «католической угрозы». Среди знатных оппозиционеров был лишь один человек, способный возглавить сопротивление, – герцог Монмут, незаконнорожденный сын Карла II. Протестант, лихой наездник и спортсмен, денди того времени, он умел нравиться людям. Но за яркой внешностью и приятным обхождением герцога, как выяснилось, скрывались беспечность и нерешительность. Повстанческое войско было необучено и скверно вооружено, им командовали только два кадровых офицера, притом один убил другого на дуэли. В решающем сражении с королевскими войсками повстанцы были разгромлены, герцог Монмут бежал с поля боя, затем пленен. В конце концов он взмолился на эшафот вместе с сотнями своих сторонников. Среди них были и товарищи Даниеля по академии Мортон, которых он вспоминал как мучеников. Еще сотни бунтовщиков были по приговору суда отправлены в рабство в заморские колонии.

Самого Даниеля видели среди бунтовщиков, в седле и с оружием в руках, но каким-то чудом он избежал кары. Хотя его участие в бунте было хорошо известно властям, спустя несколько лет суд постановил «добавить его имя к списку амнистированных». В чем тут дело? Может быть, уже тогда в судьбе

Даниеля появилась вторая, тайная жизнь?

Но Джеймс-католик недолго продержался на троне. В 1688 году его сверг собственный зять, голландский принц Вильгельм Оранский. Король Вильям и королева Мери вновь заявили о веротерпимости, нашли компромисс с парламентом. Либералы той поры заговорили о «славной революции». Пожалуй, преждевременно.

Тем не менее Даниель считал, что настали «золотые дни» его карьеры. Преуспевающий бизнесмен из Сити, образованный и религиозный, патриот и гражданин, он был замечен при дворе, ему предлагали государственные должности, для него открылся путь в высшие сферы. Правда, в ничтожном пока качестве – чиновника по сбору «оконного налога» (подобного русскому налогу «с дыму») и назначе королевской лотереи (которую сам же и придумал). Но Даниель рассчитывал на большее – на должность мэра Лондона, например. А по влиянию мог стать и доверенным лицом короля.

Но не стал, не получил, не оправдал... Потому что именно тогда деловая репутация Даниеля была, мягко говоря, подмочена.

Должник собственной тещи

«Тринадцать раз становился богат и снова беден», – написал он о себе впоследствии.

Но этот, первый крах, был сокрушительным и навсегда изменил его жизнь.

Ему всегда и всего было мало, не от жадности, а от неумной жадности деятельности. Не окончив одного дела, он уже хватался за другое; не получив прибыли по одной сделке, уже вкладывал средства в следующий проект, брал кредиты. Производство кирпичей – отлично! Лондон отстраивается заново, кирпичей можно продать без счета. Но ведь кирпичный заводик через несколько лет заработал и стал приносить твердый доход. Но кошек, купленных по случаю и за дешево, не знал, как сбыть с рук. Подводный колокол занимал его долго и высосал столько денег, но возникали все новые технические неполадки, устранить которые так и не удалось...

Главный же удар нанесла война. Даниель потерял несколько кораблей с товарами – французы топили английских купцов так же, как англичане – французов, испанцев, голландцев... Он подал прошение в парламент, и нижняя палата признала, что торговец Даниель Фо «потерпел значительные материальные убытки из-за войны с Францией». Даниель просил парламент вступить за него перед кредиторами.

«Обманутых вкладчиков» было восемь. Среди них собственная теща. Она предъявила иски на 17 тысяч фунтов. Даниель клялся и божился вернуть долги (и вернул, правда, в течение десяти лет и не все – около двух третей).

Тогда с должниками и банкротами не церемонились. Если должник пускался в бега – при поимке казнили. Если сдавался сам – тюрьма. А после тюрьмы – кто тебе поверит, кто решится вести с тобой дела?

В тот, первый раз его оставили на свободе – в интересах кредиторов. Но отныне Даниель навсегда утратил личную независимость. Он то и дело «ложился на дно», и собственная семья не знала, где он скрывается. А содержание его кошелек было ведомо только ему самому.

Язык мой – враг мой

Как и многие юноши той поры, Даниель сочинял стихи. Он и позднее мечтал о славе стихотворца. Но стал не поэтом, а известным

журналистом. Владение стихом тоже пригложилось – для стихотворных памфлетов.

«Введение в журналистику» Даниель изучал, как будто забавляясь. Его друг Джон Дантон, предприимчивый издатель, придумал газету «вопросов и ответов»: читатели спрашивают, газета отвечает. Друзья называли ее «Афинский Меркурий» (дескать, Афины – колыбель мудрости, Меркурий – курьер богов).

В это время Даниель вернул фамилию предков и стал подписываться – де Фо. Но раздельное написание сохранилось недолго, англичане снова переделали фамилию на свой лад – Дефо. Будем и мы его так называть.

Постепенно «Афинский Меркурий» превратился в солидную газету, количество писем и число подписчиков росли, теперь уже авторам приходилось серьезно и вдумчиво отвечать на любые вопросы. Они перерывали целые библиотеки и становились энциклопедистами. В газете сотрудничали, по словам Дантона, «ведущие умы века». Двое из «Афинского Меркурия» пережили века – Дефо и Джонатан Свифт.

Имя Дефо прогремело в 1701 году, когда вышел его стихотворный памфлет «Чистопородный англичанин». Поводом для памфлета послужили нападки на «иноземцев» вообще, а метили авторы в короля-иностранца Вильяма III (Вильгельма Оранского). Но защищал Даниель в конечном счете не короля, а «славную революцию», либеральные реформы. «Это вы-то чистопородные англичане? – вопрошал он аристократов. – Ваши титулы, должности, места в палате пэров оплачены золотом».

Памфлет был принят публикой восторженно. Тогда и появился гравированный портрет с подписью: Даниель де Фо, автор «Чистопородного англичанина». Но слава имеет и обратную сторону – тогда же появилось у автора множество могущественных врагов, в том числе среди судей.

Года не прошло – и нелепо погиб Вильям III. Королевой стала Анна, хотя и протестантка, но поддерживала она только англиканскую церковь. Раскольники снова стали если не врагами, то уж точно не друзьями королевы и церкви. И хотя, как говорится, земля горела под ногами Дефо, он не мог удержаться и написал новый памфлет – «Простейший способ разделиться с раскольниками». Памфлет наделал столько шума, что и поныне некоторые исследователи считают его «самым громким литературным событием века». Противники не сразу поняли, над кем издевается автор. Лишь спустя некоторое время до них дошло, и поднялся крик: да как он смеет, это провокация!.. Но и сторонники Дефо посчитали автора чуть ли не предателем. Даниель опять оказался в одиночестве и был вынужден скрываться.

Ему напомнили все сразу, в том числе неоплаченные долги. Дефо объявили в розыск, его приметы напечатали в «Лондонской газете», ничего не упустили: среднего роста, смугл, волосы торчком, нос крючком. А враги расстарались и добавили от себя: «Совесть у него, разумеется, темнее, чем рожка».

Дефо скрывался полгода. Но однажды вынужден был отправиться в Лондон, чтобы подписать важные бумаги. Там его и арестовали «волей Ее Величества».

На секретной службе Ее Величества

Суд над ним продолжался три дня. Наконец судья огласил приговор: позорный столб, крупный денежный штраф и «примерное поведение» в течение семи лет (иначе говоря, семь лет условно).

Три дня подряд по несколько часов Дефо стоял у позорного столба на трех площадях Лондона. Его шея и руки были зажаты колодками, как ярмом. В осужденного разрешалось кидать камни (случалось, что забивали насмерть), плевать и поносить какими угодно словами. Но не только камни и грязь полетели в Дефо, но и цветы тоже. А мальчишки-разносчики бойко торговали листками с новым памфлетом Дефо «Гимн позорному столбу».

Гражданская казнь Дефо стала если не победой, то и не поражением. Но и после позорного столба он оставался в тюрьме. Платить штраф было нечем. Как известно,

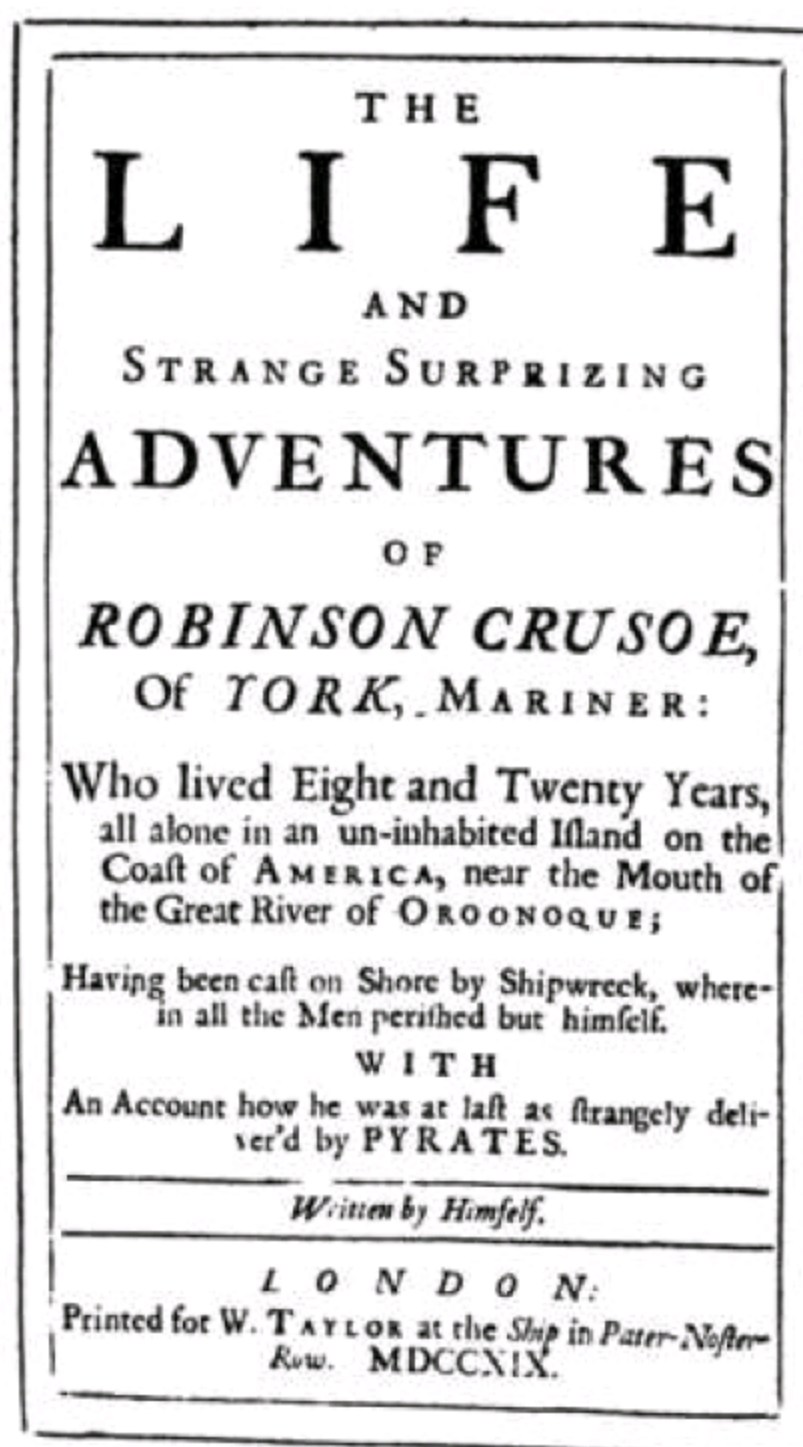
Первое издание романа, слева гравюра Кларка и Пайна, перерисованная Жаном Гранвилем в 1840 году

предприниматель сидит – дело стоит, долги растут.

За положением осужденного внимательно наблюдал Роберт Гарлей, будущий государственный секретарь. Гарлей видел немалые выгоды от сотрудничества с известным публицистом и предпринимателем. И сделал ему «предложение, от которого невозможно отказаться». Подробности сделки мы никогда не узнаем, но условия и последствия известны. В начале ноября 1703 года Дефо был помилован, штраф за него выплачен из королевской казны. «Вспомоществование» получила и семья Дефо, а было у него шестеро детей: четыре дочери и двое сыновей. Но и цена за свободу была высока.

Во-первых, отныне свободный журналист становился «агентом влияния»: он должен был представлять в печати политику правительства в выгодном свете. В 1704 году начинает выходить собственная газета Даниеля Дефо «Обозреватель» – с солидной дотацией правительства.

А во-вторых, Дефо становился тайным агентом правительства Англии в Шотландии. Королевство Шотландия давно стало частью Великобритании. Но у шотландцев оставался свой независимый парламент, не всегда одобрявший решения Лондона. Слияние двух парламентов должно было стать вторым шагом к полному присоединению Шотландии. Поэтому Гарлею нужен был «свой человек в Эдинбурге», который и сообщал бы о мнениях упрямых шотландцев, и мог бы тактично влиять на их умонастроения.

ния. Дефо, с его репутацией задиры, подходил по всем статьям.

К чести Дефо, надо сказать, что на «секретной службе Ее Величества» он не запятнал себя явной подлостью. Как «агент влияния», он действительно поддерживал законы и решения правительства, но только те, которые разделял и сам. А его письма из Шотландии к Гарлею даже отдаленно не напоминают ни отчеты, ни рапорты, ни тем более доносы. Хотя, по сути, это, конечно, агентурная переписка. «Я буду ждать от вас вестей на имя Александра Голдсмита», – на всякий случай напоминал Дефо свое явочное имя. Известны и другие его псевдонимы – Андре Моретон и Клод Гийо. Но в агентурных письмах Дефо нет других имен и должностей. От его секретной деятельности, как говорится, ни один шотландец не пострадал. Стоит ли говорить, насколько его миссия была непростой и опасной. Характер шотландцев известен. «Если бы только стало известно, что он шпионит, его бы разорвали на куски», – писал современник, посвященный в тайную жизнь Дефо.

В 1706 году Дефо потерпел новое банкротство, и это еще больше закабалило его. Только заступничество и дотации правительства спасали от нового суда и тюрьмы. Друзей становилось все меньше, а врагов – явных и скрытых – все больше. В сохранившемся доносе 1707 года, названном благозвучно «Доклад относительно Даниеля де Фо», говорится: «Человек он крайне несдержанный и опрометчивый, жалкий продажный потаскун, присяжный фигляр, наемное оружие в чужих руках, скандальный писак, грязный крикливый ублюдок, сочинитель, пишущий ради куска хлеба, а

питающийся бесчестьем».

Друг писал иное: «Он обладает честью, достойной писателя, и мужеством, достойным подвижника». Ну, на то он и друг. Мы все тоже друзья Дефо. Однако, отбросив явные поношения из «Доклада», согласимся с тем, что поступал он часто весьма опрометчиво. Действительно, сочинял, и часто ради куска хлеба. А теперь еще и оказался «наемным оружием в чужих руках».

Храбрый моряк Александр Селькирк

В 1703 году адмирал Дампьер, знаменитый гидрограф и не менее известный пират, отправился в новую экспедицию. Его флотилия состояла всего из двух кораблей. Флагманом был «Святой Георг», а второй назывался «Пять портов».

Не один Дампьер совмещал службу королю и преступный промысел. Такими были многие «морские соколы» XVII–XVIII веков – они приносили к ногам королевы новые земли, завоевывали колонии, поэтому правительство закрывало глаза на их «подвиги» иного рода. Океан оставался территорией вне закона.

Штурманом на корабле «Пять портов» служил шотландец из Ларго по имени Александр Селькирк. Во время плавания он стал помощником капитана. Командир корабля капитан Стрэдлинг приказал не отставать от флагмана, но «Пять портов» не мог за ним поспеть. В трюме корабля была течь, судно нуждалось в ремонте, а команда в отдышке. Селькирк не раз говорил об этом капитану (и был совершенно прав – корабль вскоре затонул, никто из команды не спасся, но Селькирка на борту уже не было). Споры с капитаном перешли в ссору. Команда могла встать на сторону помощника, и тогда – бунт на корабле. В море капитан – верховный судья. В опасной ситуации он обязан принять самые жесткие меры: мог просто повесить непокорного помощника на рее, мог заключить его под стражу и по возвращении передать суду или же высадить его на ближайший берег. Стрэдлинг принял решение с оглядкой на реакцию экипажа: он предложил помощнику добровольно сойти на берег. Понятно, что это была добровольно-принудительная мера. Ладно, Селькирк взял с собой ружье, порох, табак, одежду, белье и Библию, матросы свезли его на берег. Так он оказался на необитаемом острове Маас-а-Тьерра из архипелага Хуан Фернандес в Тихом океане.

Четыре с половиной года спустя к острову подошел английский корабль. Капитан Вудс Роджерс приказал матросам запастись пресной водой. Через некоторое время моряки вернулись с человеком, одетым в козьи шкуры. Он одичал, почти разучился говорить и, казалось, был безразличен к встрече с людьми. Постепенно Селькирк разговорился и рассказал свою историю. На острове он питался плодами и мясом одичавших коз. Когда пули и порохи кончились, Селькирк просто догонял их и валил наземь. Вообще он стал необыкновенно проворен. Однажды он убежал от нагрянувших на остров испанцев, его ловили всей командой – не догнали, в него стреляли – увернулся. «Моряк как моряк. Прилагал все силы, чтобы остаться в живых», – написал о нем капитан Роджерс через год в своих «Записках». Ничего он на острове не построил, не вырастил, никого не приручил и друга себе не завел.

Историю Селькирка печатали пять раз. В том числе знаменитый публицист того времени Ричард Стил написал очерк о нем для журнала «Англичанин». А сам Селькирк, вернувшись на сушу, десять лет не ходил в море, завел себе подружку и жил в свое удовольствие. За кружку эля или стаканчик джина в таверне охотно рассказывал о себе «все как было, без прикрас». Но деньги кончились, Селькирк нанялся штурманом на «Веймут» и ушел на нем в свое последнее плавание.

Моряка из Ларго скоро забыли. Из памяти современников его вытеснил Робинзон Крузо, моряк из Йорка. Он оказался достовернее прототипа.

Рождение Робинзона

Даниель Дефо было уже под шестьдесят. Он написал более пятисот произведений. За плечами прожитая жизнь, да еще какая! И среди

Дефо также приписывается изданная в 1724 году под псевдонимом Чарльз Джонсон книга «Всеобщая история грабежей и смертоубийств, учинённых самыми знаменитыми пиратами»

самых горьких переживаний – одиночество.

История Селькирка разбудила фантазию автора. Да, он воспользовался «случаем из жизни», но решительно оттолкнулся от факта. Он будто спорил с прототипом. Ведь Селькирк на острове расчеловечился, если можно так выразиться. Робинзон в книге Дефо не просто выживает, он строит осмысленную жизнь на «острове отчаяния» – не дикую, а человеческую. Своими руками, умом, волей и верой моряк из Йорка создает мир, подобный миру людей, который он потерял. Жизнь, а не выживание – эту мысль Дефо мог бы поставить в подзаголовок книги. Собственно говоря, он это и сделал. На обложке прижизненных изданий книги в длинном заголовке «Жизнь и необыкновенные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка...» наиболее крупно было выделено слово ЖИЗНЬ.

«Версия» Дефо была принята даже самим Селькирком: после выхода книги он и сам рассказывал свою историю уже «по-робинзоновски».

Пусть в книжке и море, и слезы, и кровь – чернильные. Но сочинение становится правдой, когда автор включает в произведение подлинного себя, впечатления собственной жизни. Взять хотя бы фамилию главного героя – ее носил погибший друг юности. К тому же Дефо представил эту фамилию иностранной. Робинзон начинает свой рассказ о «семье, происходившей, впрочем, не из этих мест. Фамилия отца была Крейцнер, но по обычаю англичан коверкать иностранные слова нас стали называть Крузо»

Итак, 285 лет назад на книжных прилавках Лондона появилась книга «Жизнь и необычайные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, который прожил двадцать восемь лет в полном одиночестве на необитаемом острове у берегов Америки близ устья реки Ориноко, куда был он выброшен после кораблекрушения, а вся остальная команда погибла. С добавлением рассказа о том, как он в конце концов удивительно был спасен пиратами. Написано им самим». Книга была очень дорогой – пять фунтов. Столько стоил, к примеру, полный костюм джентльмена. Отчасти из-за дороговизны подлинного «Робинзона», да и хороших книг вообще, сразу появилось несколько сокращенных пересказов, изданных дешевыми брошюрками. Тем не менее первое издание быстро разошлось, издатель несколько раз дореиздавал тираж. Окрыленный успехом, Дефо написал два продолжения, но скорее «ради куска хлеба», нежели по вдохновению. Вероятно, поэтому их забыли, как забыли историю Селькирка.

«Приключения Робинзона Крузо» быстро стали мировым бестселлером. В 1720 году книга о Робинзоне появилась в Германии, в 1764 году – в России. Много размышлял над ней французский философ Жан-Жак Руссо,

в Робинзоне он видел «естественного человека», не испорченного цивилизацией. Всю жизнь не расставался с этой книгой Лев Толстой, для которого Робинзон был своего рода «толстовцем».

Интерпретаций «Робинзона Крузо» было и есть великое множество. С первого детского прочтения мы считаем эту книгу приключенческим романом. Кроме того, в ней видят и книгу одиночества, и роман-исповедь, и гимн труду, и роман воспитания, и роман Просвещения, и книгу о пути человека к Богу. Все это есть в «Робинзоне Крузо», ведь это книга про ЖИЗНЬ.

Правда, нет в «Робинзоне» любви. По-видимому, ее и в жизни автора не хватало. Что ж, иногда доблесть писателя состоит в том, чтобы НЕ писать. Например, чего не знаешь, во что не веришь.

Всеми забытый

После «Робинзона Крузо» Даниель Дефо написал несколько превосходных книг, в том числе «Молль Фландерс» и «Полковник Джек», вошедших в классику английской литературы. Одна из книг этого периода была посвящена России и называлась «Беспристрастная история жизни и деятельности Петра Алексеевича, нынешнего царя Московии, от его рождения до настоящего времени» (1723).

Дефо и раньше касался «русской темы». В книге «История Карла XII» описал Полтавскую битву, для пущей беспристрастности – глазами шотландского офицера, воевавшего на стороне шведов. Много раз Дефо писал о российской политике и торговле в газетах. Однажды он даже обозвал Петра I «сибирским медведем» – неизвестно, правда, чье мнение он выразил, но извиняться перед русским послом пришлось.

В «Дальнейших приключениях Робинзона Крузо» Дефо отправил своего героя в кругосветное путешествие, и значительную часть пути Робинзон проделал по России – из Пекина через Сибирь на Архангельск. В поселке под Нерчинском он сжег языческого идола, в Тобольске беседовал с опальными вельможами, рассказал о почти неизвестной европейцам реке Амур...

И вот, наконец, «История Петра», на сей раз поведанная британским офицером на российской службе. Это первое в Европе подробное жизнеописание Петра, написанное еще при жизни царя-реформатора, за два года до его безвременной смерти. Дефо прекрасно понимал масштаб исторической личности своего героя и значение его преобразований. Знал он и цену его свершениям, но оправдывал «жестокие методы». Более того, он ставил Петра в пример: «Покажите мне в Европе еще такого государя, который бы, не имея прежде ни одного корабля, за три года построил бы флот!» – в устах подданного ведущей морской державы это убедительный довод. Когда Дефо собрал воедино все доступные ему материалы, он сделал вывод, который, думается, поразил и его самого: в колоссальных свершениях Петра не было грабежа, захвата, колонизации, обычных для той эпохи. «Не за счет завоеваний прежде всего преобразовывал страну

Петр, а перестройкой экономики, обычаев, нравов и торговли».

У исследователей возникал даже вопрос: а не был ли Дефо как-нибудь наездом в России? Нет, не был. Как не был никогда на необитаемом острове посреди океана. Но он «вращался среди москвитов», перерыл горы книг и имел достаточно здравого смысла, чтобы отделить правду от небылиц.

На склоне лет Дефо вздохнул свободнее. Его «тайный договор» с властями практически утратил значение. Правда, иногда к нему обращались с каким-нибудь деликатным поручением. Так, его командировали в Париж, чтобы разведать, «как идут на бирже акции французской компании по эксплуатации реки Миссисипи».

Но журналистику Дефо не оставил. Правительственные субсидии «Обозревателю» давно прекратились, и газета закрылась. Дефо писал статьи для «Торговца», потом редактировал газету «Политическое состояние Великобритании», выпускал книги (скорее, брошюры). Одно их название способно пробудить интерес: «Политическая история дьявола», «Совершенный английский торговец», «Совершенный английский джентльмен».

С кредиторами он кое-как ладил, некоторые из них уже умерли, другим выплачивал долги малыми взносами (выручал кирпичный заводик!). Конечно, приходилось лов-

чить, таиться, заискивать. Втихую обзавелся собственным домом в Ньюингтоне недалеко от Лондона.

Но и это зыбкое перемирие с судьбой оказалось недолгим – вдова одного из кредиторов подала новый иск. И судебная машина вновь закрутилась... Чтобы избежать конфискации имущества, Дефо переписал дом и имущество на сына и... жестоко просчитался. Бенджамен был способным журналистом, но, увы, негодяем. «Я поставил себя от него в зависимость, доверился ему, отдал ему в руки других своих, еще не обеспеченных детей, а у него не нашлось сострадания, заставил он мучиться их и свою несчастную умирающую мать, когда сам он жил в полном достатке», – писал Дефо.

На восьмом десятке он вновь был вынужден скрываться. Снял комнату в лондонском Сити. Годы и болезни брали свое. Однажды лондонцы прочитали в «Ежедневном курьере»: «В понедельник вечером у себя на квартире по Канатной аллее в преклонном возрасте скончался знаменитый Даниель Дефо».

Иногда кажется, что в биографии Даниеля Дефо уместилось несколько судеб совершенно разных, но ярких личностей. При этом их трудно вообразить близкими людьми, а не то что одним человеком.

Так who is Mr. Foe?

Англичане любят загады сочинять себе эпитафии. Остроумные, парадоксальные и, уж во всяком случае, – краткие. Сочинил и Дефо. Он хотел, чтобы на его могиле значилось: «Даниель де Фо, джентльмен».

Но люди рассудили иначе. Что им за дело, был он джентльменом или всю жизнь стремился им стать. Они высекли на могильном камне главное: «Даниель Дефо, автор «Робинзона Крузо».

Роберту Харли, весьма ценившему талант Дефо, нетрудно было выхлопотать помилование Дефо, когда он согласился сделаться тайным агентом тори – своих бывших врагов

ОРУЖИЕ ПРОТИВ ДЕРЗКИХ ДВОРЯН

Евсей ГРЕЧЕНА

Специально для «Совершенно секретно»

В 1478 году Изабелла Кастильская и Фердинанд Арагонский получили у Римского папы полномочия для учреждения специальной юрисдикции, главная задача которой должна была состоять в борьбе с ересью.

Так, как принято считать, появилась испанская инквизиция, с которой связаны самые неприглядные страницы истории человечества.

ЦЕРКОВНЫЙ ОТДЕЛ РАССЛЕДОВАНИЙ ИЗАБЕЛЛЫ И ФЕРДИНАНДА

По сути, это был церковный «отдел расследований». Но инквизиция (от латинского слова «inquisitio» - розыски, расследование) до сих пор пользуется дурной славой из-за суровости наказаний и обилия беззаконий, творившихся во время процессов. Подозреваемые имели мало или вообще не имели возможности опровергнуть выдвинутое против них обвинение. Их не знакомили с показаниями и не сообщали имена обвинителей. Тех, кто отказывался признать себя виновным, подвергали зверским пыткам до тех пор, пока несчастные не сознавались...

Некоторое время инквизицию возглавлял монах Томас де Торквемада, который до этого был личным исповедником королевы Изабеллы.

«Он был жесток, как повелитель ада...» Так в свое время написал о Торквемаде американский поэт Генри Лонгфелло. И мнение это, надо сказать, достаточно распространенное. Одни авторы называют Торквемаду «страшным, как смертный грех», другие - «ненасытным палачом», третьи рассуждают о «религиозном фанатизме, кровавой персонификации которого был Торквемада», и о «нетерпимости, которую он всосал с молоком матери».

Так сложилось, что Торквемада превратился в одну из самых мифологизированных фигур в истории человечества, а руководимая им организация стала настоящим жупелом, чем-то априори мерзким и внушающим ужас. Это очень удобно для многих пишущих на подобные темы: все инквизиторы - исчадия ада, а Торквемада - самый отвратительный из них...

Но инквизиция подчинялась Римскому папе, а на самом деле ей управляли испанские монархи. Она использовалась с целью укрепить господствующую религию и расколоть оппозицию. «Католические короли» Изабелла и Фердинанд смогли использовать инквизицию в качестве оружия против дерзких дворян и таким образом установить централизованную и абсолютную монархию. Также они пускали ее в дело для осуществления контроля над испанским духовенством. Ну и, конечно же, мишенью инквизиции являлись люди, подозреваемые в религиозных уклонах, особенно евреи и мусульмане, которых формально обратили в католичество, но на самом деле они продолжали тайно поклоняться своим богам.

Создание инквизиции дорого обошлось Изабелле и Фердинанду: пошатнулись любовь, которую они нискали прежде, а также повиновение, которое они до тех пор всегда видели. Кортесы начали неприкрыто роптать, а народ, обожавший короля и королеву, даже взялся за оружие: первый инквизитор Арагона, Педро де Арбуэс, был заколот заговорщиками в сарагосском соборе и 17 сентября 1485 года скончался в страшных мучени-

Католические короли Изабелла и Фердинанд.

Справа: Томас де Торквемада, основатель испанской инквизиции, первый великий инквизитор Испании

ях. Беспорядки, имевшие место по этому случаю, продолжались очень долго, и нужно было пролить немало крови, чтобы прекратить их.

А ЧТО ЖЕ ТОРКВЕМАДА?

Отец Антуан Турон в своей «Истории знаменитых людей Туринского ордена» пишет о Торквемаде так: «Не без оснований испанские историки считают Томаса де Торквемаду одним из великих людей своего времени, одним из самых выделяющихся по своему рождению, талантам, набожности и ревностному отношению к религии».

Томас де Торквемада родился в 1420 году в Вальядолиде в семье священника. Самым знаменитым родственником у него был дядя (брат отца), доминиканец Хуан де Торквемада, бывший представителем католической церкви на Вселенском соборе в Констанце, по приговору которого в 1415 году был сожжен на костре проповедник и идеолог Реформации Ян Гус.

Удивительно, но этих людей постоянно путают. Подчеркнем специально: Томас де Торквемада никогда не был кардиналом! И

это, несмотря на то, что даже в знаменитой «Энциклопедии», составленной великими энциклопедистами XVIII века, сказано: «Этот Торквемада, доминиканец, ставший кардиналом, придал трибуналу испанской инквизиции ту юридическую форму, которая противоречит всем законам человечества».

Да, учреждение инквизиции в Испании принято связывать с именем Торквемады. Но на самом деле испанская инквизиция была основана почти за двести лет до его рождения. Первый указ, направленный против еретиков, был издан королем Арагона Педро II аж в 1197

году, а послание папы Григория IX, посвященное введению инквизиции в Кастилии, появилось в 1236 году.

Историк Жан Севилья, говоря об инквизиции, утверждает: «На самом деле, это слово покрывает совершенно разные события, продолжительность которых растягивается на шесть веков».

Короче говоря, людей на костер отправляли задолго до Торквемады. И не надо думать, что уничтожались только такие прогрессивные люди, как Джордано Бруно или Ян Гус. Инквизиция преследовала не только за сознательное отклонение от догматов веры, но и, например, за колдовство. Легко, живя в XXI веке, называть это мракобесием. В Средневековье же все было иначе: лекарств почти не существовало, и эпидемии неизвестных болезней уничтожали людей тысячами. Тут невольно станешь суеверным, и инквизиция в те времена была своего рода «защитной реакцией» общества, для которого вера была такой же важной составляющей, как физическое здоровье сегодня.

Вывод: Торквемада не входил в число первых инквизиторов, назначенных в сентябре 1480 года Изабеллой и Фердинандом. Он ничего не изобретал, и инквизицию создал, конечно же, не он (лично он вошел в состав инквизиторов лишь в феврале 1482 года).

КОДЕКС ИНКВИЗИЦИИ

Да, Торквемада стал потом генеральным инквизитором Кастилии и Арагона, но он не был «исчадием ада». Напротив, он был человеком абсолютно неподкупным, одевался в лохмотья и жил аскетично, даже праведно. Более того, именно Торквемада инициировал в октябре 1484 года принятие специального Кодекса инквизиции.

Этот Кодекс включал в себя 28 статей, и он организовал совместную работу всех трибуналов инквизиции, дал единообразное оформление всем этапам инквизиционного процесса и выстроил четкую иерархическую структуру. Несколько статей говорили о приговорах против еретиков и отступников и назначали «отсрочку милосердия» для желающих сознаться и обратиться в «правильную веру». Несколько - установили порядок чинопочитания среди инквизиторов. А еще там говорилось о том, что тот, кто сознается до срока, может рассчитывать на помилование, если выдаст других еретиков. Но говорилось там и о еретиках упорных: их следовало осудить на вечное заключение.

Но были там и совершенно «революционные» статьи. Например, 25-й статьей запрещалось инквизиторам и другим лицам, причастным к трибуналу, получать подарки под страхом отлучения и лишения должности. Это означает, что Торквемада самым серьезным образом боролся с взяточничеством в подконтрольной ему организации. И для свидетелей, давших ложные показания, предусматривалось суровое наказание, а любое решение суда могло быть обжаловано в Ватикане.

В результате, машина «новой инквизиции» заработала весьма эффективно. А разгадка тут проста: Торквемада сам никогда не брал взятки и другим не позволял. И склонности к чинопочитанию он был лишен начисто. Титул, статус, должность преступника для него не имели ни малейшего значения. Перед лицом закона для него все были равны.

ТРИ ИНКВИЗИЦИИ

Подчеркнем еще раз: инквизиция была основана почти за двести лет до рождения Торквемады.

Историк Жан Севилья, говоря об инквизиции, утверждает: «Нет одной инквизиции, но

есть три инквизиции: средневековая инквизиция, испанская инквизиция и римская инквизиция. С исторической точки зрения, их смешение лишено смысла.

Первоначально инквизиция вообще была временным учреждением, некоей комиссией, созываемой по конкретным поводам - чаще всего для борьбы с восстаниями еретиков. Лишь в XIII веке инквизиция приняла форму постоянных трибуналов и значительно расширила свои полномочия. Но до второй половины XV века инквизиции как постоянного института в Кастилии вообще не существовало. Что же касается Арагона, то первый инквизиционный трибунал был там официально учрежден Римским папой в 1238 году, и он особенно энергично действовал в примыкавших к Франции епархиях.

Юридически независимая, параллельная гражданскому правосудию, средневековая инквизиция была церковным институтом, и ее служители зависели только от папы. Общепринятая картина инквизиции настолько негативна, что создается впечатление, что это было царство произвола. На самом деле, все было с точностью до наоборот: инквизиция была правосудием методичным, формалистичным и полным бумажной волокиты, но часто значительно более умеренным, чем гражданское правосудие. Во всяком случае, обвиняемый имел право приглашать свидетелей для своей защиты, имел право отводить состав суда и даже самого инквизитора. Первый допрос обычно проводился в присутствии своеобразной «конфликтной комиссии», состоявшей из уважаемых граждан, мнение которых всегда учитывалось. Имена доносчиков держались в тайне (своеобразная защита свидетелей), но в случае лжесвидетельствования лжеца ждало суровое наказание, и все об этом знали.

И что очень важно: ни к каким телесным наказаниям и тем более к смертной казни инквизиция приговорить не могла. Это была прерогатива светских властей.

И еще: еретики, как правило, не отличались смирением. В Средние века мир не ведал полутоннов и нейтралитета. Любкой компромиссом на деле оказывался уловкой, тактическим ходом, но вовсе не решением, устраивающим обе стороны. И надо отметить, что, в большинстве случаев, именно еретики выступали зачинщиками смут. Пользуясь невежеством основной массы людей, они страстно обличали погрязших в грехах правителей и церковников, которые, к слову, действительно были совсем не святыми. И одними обличениями дело не ограничивалось: вожди еретиков призывали к неподчинению грешникам и лицемерам, уверяя, будто их власть идет от дьявола, а вовсе не от Бога...

В Средние века это был страшный аргумент. Потому-то светские власти и не щадили еретиков, ведь каждый из них мог нести в себе зерно восстания - и это тогда, когда и так все было плохо, когда каждый год имел место то неурожай, то голод, то эпидемия, то война.

Историк Жан Севиля пишет: «Если судить инквизицию по интеллектуальным и моральным критериям, имеющим хождение в XXI веке, очевидно, что это система возмутительная. Но в Средние века, это не возмущало никого. Не нужно забывать отправной точки этого дела: осуждение, вызванное еретиками, возмущение их деятельностью и их выступлениями против Церкви. Как это ни кажется удивительным, но люди XIII века рассматривали инквизицию, как избавление. Средневековая вера не была индивидуальной верой: общество формировало органичное объединение, в котором все оценивалось в коллективных терминах. Отрицание веры, ее предательство или фальсификация представляли собой преступления, виновные в которых должны были отвечать перед обществом».

Подведем итог: в христианских королевствах Пиренейского полуострова инквизиция была официально учреждена Римским папой в первой половине XIII века, но сначала она действовала только в Арагоне. Поначалу она работала бессистемно и неэффективно, а к началу XV века и вовсе практически бездействовала. В других местах - в частности, в Кастилии, Леоне и Португалии - инквизиция вообще появилась только спустя полтора столетия после ее прихода, например, во Францию.

К XV веку так называемая старая инквизи-

Мученичество святого Педро

ция уже практически изжила себя, и причиной тут был вовсе не в рост терпимости к инакомыслию. Просто светская власть уже значительно окрепла и не нуждалась более в серьезной поддержке со стороны Церкви. Вот тогда-то и состоялось второе рождение инквизиции, новой инквизиции - на Пиренейском полуострове, на землях королевы Изабеллы и короля Фердинанда.

ИНКВИЗИЦИЯ И ТОРКВЕМАДА БЕЗ ПОЛЕМИЧЕСКОГО ЗАДОРА

Под конец жизни Торквемада удалился в монастырь и там снова начал вести жизнь простого монаха, а 16 сентября 1498 года он умер.

Сейчас одни авторы утверждают, что Торквемада лично виновен в сожжении на костре 10220 человек. Другие называют гораздо большие цифры. Но при этом, как правило, захватываются периоды времени, в которые Торквемада еще ничего не решал или уже не решал. Плюс включаются в расчет территории, на которые власть Торквемады не распространялась. Так неужели же, лично Торквемада, «ославленный» на века, должен быть ответственен вообще за все жертвы инквизиции на всех территориях, где она существовала?

С другой стороны, и это невозможно отрицать, благодаря Торквемаде-политику произошло объединение Кастилии и Арагона в единое свободное от мусульманской оккупации королевство, которое затем превратилось в одно из самых могущественных государств Европы, положило начало колонизации

Нового Света и стало «культурной матрицей» для всей Латинской Америки.

Плюс с приходом Торквемады инквизиция начала предоставлять слово обвиняемому, а от обвинителя требовали четких доказательств. В итоге, ни один другой суд не выносил так много оправдательных приговоров. Генри Кеймен в своей книге «Испанская инквизиция», изданной в 1997 году, отмечает, что архивы инквизиции содержат 49092 досье, и в 98% случаев обвиняемые были либо оправданы, либо получили легкое наказание в виде штрафа, покаяния или паломничества.

Можно до бесконечности спорить по поводу соотношения понятий «цель» и «средства» и о том, может ли великая цель оправдывать жесткие средства ее достижения. Но одно очевидно: деятельность Торквемады, как и «его» инквизицию, давно пора рассматривать без излишнего полемического задора. ■

Заседание трибунала Инквизиции

КАК УБИВАЛИ ПУШКИНА

Таясия БЕЛОУСОВА

Специально для «Совершенно секретно»

Главным мотивом поступков Дантеса современники и большинство исследователей считали «ветреный разврат», неосторожное и демонстративное волокитство, а поведение Натальи Гончаровой осуждали, как по меньшей мере легкомысленное, поощрявшее ухаживания блестящего кавалергарда.

Новые письма из архива семьи Дантесов доказывают, что в начале 1836 года между этими двумя «звездами» высшего света вспыхнула настоящая любовь.

Страдания молодого Геккерена

Дантес явно поспешил уверить Геккерена, что «победил себя», сумел «пожертвовать этой женщиной». Возможно, это были просто ритуальные клятвы «аста» своему старшему любовнику и покровителю («ты источник всех моих удовольствий и душевных волнений» и т.д.).

«Петербург, суббота 28 марта 1836 г. ... Признаюсь откровенно – жертва, тебе принесенная, огромна. Чтобы так твердо держать слово, надобно любить так, как я тебя; я и сам бы не поверил, что мне достанет духу жить поблизости от столь любимой женщины и не бывать у нее, имея для этого все возможности. Ведь, мой драгоценный, не могу скрыть от тебя, что все еще безумен; однако же сам Господь пришел мне на помощь: вчера она потеряла свекровь, так что не меньше месяца будет вынуждена оставаться дома, тогда, может быть, невозможность видеть ее позволит мне не предаваться этой страшной борьбе, возобновлявшейся ежечасно... Так вот, когда бы ты мог представить, как сильно и нетерпеливо я жду твоего приезда, а отнюдь не боюсь его – я дни считаю до той поры, когда рядом будет кто-то, кого я мог бы

любить...»

Наконец, Геккерен вернулся в Петербург и навел порядок в своем семействе. Он рассудил, что запретить приемному сыну любить (женщину!) невозможно, это только отвлечет от него Жоржа. Поэтому он всеми силами старался превратить платоническую любовь Дантеса в пошлый адюльтер, ведь любовное похождение рано или поздно надоедает. Геккерен стал для видимости союзником и активным помощником Дантеса, а на деле стремился опорочить и Пушкину, и Пушкина – виновников своих несчастий. Помог его интригам и траур по матери поэта Надежде Осиповне, во время которого Наталья Николаевна не выезжала в свет. И действительно, любовь Дантеса со временем становилась страстью, а страсть стремится к обладанию. И действительно, через полгода план Геккерена начинает претворяться в жизнь. Вот что пишет Дантес папаше из казармы, находясь на дежурстве 17 октября 1836 года:

«Дорогой друг, я хотел говорить с тобой сегодня утром, но у меня было так мало времени, что это оказалось невозможным. Вчера я случайно провел весь вечер наедине с известной тебе дамой, но когда я говорю наедине – это значит, что я был единственным мужчиной у княгини Вяземской почти час...»

Далее Дантес подробно описывает свое нервическое состояние по окончании вечера: «...оказавшись на улице, принялся плакать,

точно глупец, отчего, правда, мне полегчало, ибо я задыхался; после же, когда я вернулся к себе, оказалось, что у меня страшная лихорадка...» Исследователи усматривают в этом излиянии лишь жеманное притворство. Совсем не в оправдание Дантеса хочу заметить: наши предки были совсем другими, даже физиологически; они переживали счастье и горе, любовь и ненависть бурно, случалось, умирали от любви (редко, но умирали), убивали из ревности чаще, чем из-за денег; зато легче переносили боль, холод и голод. Кроме того, несомненно, литература и искусство, вообще культура, навязывали модели поведения, и люди им следовали, даже не сознавая того. В качестве яркого примера напомним, что после выхода повести Гете «Страдания молодого Вертера», главный герой которой кончает с собой, по Европе прокатилась настоящая эпидемия самоубийств.

После описания «страданий молодого Геккерена» Дантес переходит к делу: «Вот почему я решился прибегнуть к твоей помощи и умолять выполнить сегодня вечером то, что ты мне обещал. Абсолютно необходимо, чтобы ты переговорил с нею, дабы мне окончательно знать, как быть. Сегодня вечером она едет к Лерхенфельдам... Вот мое мнение: я полагаю, что ты должен открыто к ней обратиться и сказать, да так, чтоб не слышала сестра, что тебе совершенно необходимо с нею поговорить. Тогда спроси ее, не была ли

Только находить а сына
опаном положению

Последний бюллетень о состоянии
здоровья поэта

она случайно вчера у Вяземских; когда же она ответит утвердительно, ты скажешь, что так и полагал и что она может оказать тебе великую услугу; ты расскажешь о том, что со мной вчера произошло по возвращении, словно бы был свидетелем: будто мой слуга перепугался и пришел будить тебя в два часа ночи, ты меня много расспрашивал, но так и не смог ничего добиться от меня... и что ты убежден, что у меня произошла ссора с ее мужем, а к ней обращаешься, чтобы предотвратить беду (мужа там не было). Это только докажет, что я не рассказал тебе о вечере, а это крайне необходимо, ведь надо, чтобы она думала, будто я таюсь от тебя и ты расспрашиваешь ее как отец, интересующийся делами сына; тогда было бы недурно, чтобы ты намекнул ей, будто полагаешь, что бывают и более интимные отношения, чем существующие, поскольку ты сумеешь дать ей понять, что, по крайней мере, судя по ее поведению со мной, такие отношения должны быть...

Если бы ты сумел вдобавок припугнуть ее и внушить, что...» (Окончание фразы зачеркнуто так старательно, что даже эксперты не сумели его прочитать.)

Дантес ясно излагает свой план и дает указание Геккерену вынудить г-жу Пушкину уступить его домогательствам.

В этом письме впервые в интригу Геккеренов включен Пушкин («ты убежден, что у меня произошла ссора с ее мужем, а к

ней обращаешься, чтобы предотвратить беду»). Другими словами, Дантес предлагает шантажировать Наталью Николаевну разоблачением перед мужем. Замысел довольно путанный, но, вероятно, расчет был на то, что жена предпочтет тихий, тайный адюльтер ужасному скандалу.

С этого момента старик Геккерен буквально преследует Наталью Николаевну. Как писал Пушкин впоследствии в неотосланном письме Геккерену: «Вы отчески сводничали вашему незаконнорожденному или так называемому сыну... Подобно бесстыжей старухе, вы подстерегали мою жену по всем углам... вы говорили, бесчестный вы человек, что он умирает от любви к ней; вы бормотали ей: верните мне сына».

Но пока еще козни развратной семейки не раскрыты. Геккерены ведут себя нагло. Папаша уверен, что его положение королевского посланника гарантирует его безопасность, а Дантеса обожают сильные мира сего. Они привлекают на свою сторону троюродную сестру Натальи Николаевны – Идалию Полетику, тайно ненавидевшую чету Пушкиных. С ее помощью Геккерены подготовили несговорчивой Натали настоящую ловушку. В.Ф.Вяземская рассказывала, что Полетика по настоянию Дантеса «пригласила Пушкину к себе, а сама уехала из дому... когда она осталась с глазу на глаз с Геккереном (Дантесом), тот вынул пистолет и грозил застрелиться, если она не отдаст ему себя. Пушкина не знала, куда ей деваться; она ломала себе руки и стала говорить как можно громче. По счастью, ничего не подозревавшая дочь хозяйки явилась в комнату, и гостя бросилась к ней».

Это произошло в первых числах ноября. А 4 ноября Пушкин и его друзья получили анонимный пасквиль, содержащий грязные намеки на измену его жены. Пушкин потребовал объяснений у Натальи Николаевны, и тут все открылось. В этот день Пушкин как будто прочитал то, что сейчас читаем мы... Он узнал, что жена любила другого. Пушкин ни с кем не мог поделиться своим горем. Семья, дом, который он строил почти десять лет, – все пошло прахом. Уже тогда Пушкин был смертельно ранен.

А может быть, добавляла горечи совесть? В свои 23 года Пушкин тоже был неразборчив в средствах. Тогда в Одессе он добился любви Елизаветы Воронцовой, жены генерал-губернатора М.С.Воронцова, в доме которого был принят со всем радушием. А когда оскорбленный Воронцов отослал Пушкина, тот отомстил злой эпиграммой «Полу-милорд, полу-купец» – в ней было много желчи и мало правды. Ведь боевой генерал Воронцов был ранен штыком (!) в Бородинском сражении, командовал оккупационным корпусом в побежденной Франции, немало сделал для развития Таврии и Новороссии, был меценатом и образованнейшим человеком своего времени... И это лишь один из многих довольно постыдных эпизодов, в которых мог себя упрекнуть Пушкин. Образно говоря, в «зеркале Дантеса» он мог увидеть «черного человека», от которого лишь недавно начал отдаляться.

Пушкин послал вызов Дантесу.

Подробности объяснения в семье Пушкина сразу стали известны в стане врагов. Дантес с дежурства пишет записку папаше:

«...Бог мой, я не сетую на женщину (в оригинале: femme – в данном случае «жена», а не «женщина». – С.М.) и счастлив, зная, что она спокойна, но это большая неосторожность либо безумие, чего я к тому же не понимаю, как и того, какова была ее цель. Записку пришли завтра, чтоб ночью, не случилось ли чего нового за ночь... и откуда ты знаешь, что она призналась в письмах... Во всем этом Екатерина – доброе создание, она ведет себя восхитительно».

Екатерина Гончарова, до сих пор проходившая в переписке Дантеса как безымянная «сестра», теперь обрела имя. Настало время вывести на сцену новый персонаж.

Посредница и предательница

Екатерина Гончарова, оказавшись в столице, в доме Пушкиных, писала: «...я право не знаю, как я смогу отблагодарить Ташу и ее мужа за все, что они делают для нас...» Из опубликованных ныне писем Дантеса стало известно, как она «отблагодарила».

Екатерина Николаевна Гончарова была на

Вверху: Александра
Внизу: Константин Данзас, секундант Пушкина на дуэли с Дантесом

три года старше Натальи Николаевны. Она была не красавица, но весьма привлекательна: высокая и стройная, с «осиной» талией, темными волосами и черными выразительными глазами. Она прекрасно ездил верхом, писала остроумные письма, естественно, по-французски. Положение фрейлины повысило ее статус, но найти жениха ей все никак не удавалось, ведь она была бесприданницей.

Когда вокруг сестер Гончаровых начал увиваться Дантес, глаза Екатерины заблестели. Очень скоро стало ясно, что предмет его обожания – замужняя сестра, но Екатерина уже не принадлежала себе, она переживала роман Дантеса и Таши как свой собственный.

Дантеса начали принимать в доме Пушкиных как возможного жениха Екатерины или Александры. Во время траура Натальи Николаевны по свекрови и ее болезни после родов Дантес общался только с ее сестрами и, возможно, передавал через Екатерину нежные послания. Летом на Каменноостровской даче Пушкиных посещения Дантеса стали особенно частыми. Екатерина наслаждалась обществом своего «обоже», словно отраженным от Натали светом, и как могла «учащала возможности встреч с ним», писала современница.

После возвращения Пушкиных с дачи ухаживания Дантеса за Натальей Николаевной стали уже устойчивой темой пересудов, поэтому Пушкин запретил назойливому кавалергарду бывать в его доме. Но общение между Дантесом и Натальей Николаевной продолжалось: он посылал, как сам признавался позднее, «довольно часто г-же Пушкиной книги и театральные билеты при коротких записках». Каковы были эти записки, теперь известно, даже военный суд определил, что они «могли возбудить щекоотливость мужа». Но кто, как вы думаете, передавал эти послания?

До сих пор Екатерина играла «роль второго плана». После вызова Пушкиным Дантеса на дуэль она становится одной из главных героинь.

Семейство Геккеренов не ожидало вызова. Ведь пасквиль, к которому они имели прямое или косвенное отношение, намекал на связь Натальи Николаевны не с Дантесом, а с самим Николаем I. С кем же стреляться в таком случае прикажете? Расчет был, видимо, на то, что Пушкин не станет поднимать шума, а просто уедет и увезет жену в деревню (так поступил бы всякий благообразный человек, кстати, так советовали некоторые друзья). Для Дантеса это было бы хорошо – вот тебе, Натали, за несговорчивость! А для Геккерена еще лучше – с глаз долой, из сердца вон и – приди, сынок, в мои объятия!

Если бы они хоть немного знали и, главное, понимали Пушкина, то не рассчитывали бы на его благообразие. В том-то и дело, что Геккерены строили свои интриги, основываясь все-таки на логике поступков людей обыкновенных. Они не считали Пушкина исключительной личностью и мерили его «аршином общим».

Дуэль означала не только смертельную опасность для Жоржа, но и крах двух блестящих карьер, благосостояния и положения в обществе. Нужно было найти какой-то выход, как избежать дуэли, но чтобы это не выглядело явным уклонением от поединка. И тогда Геккерены придумали версию о том, что Дантес влюблен в Екатерину Гончарову и уже собирался просить ее руки, а ревнивый Пушкин все не так понял. Старик Геккерен переговорил наедине с Екатериной и объявил, что если она согласна, то... Ах, мог бы и не спрашивать!

Пушкин был в бешенстве, он сразу понял суть и цель интриги. Не верила своему счастью и невеста. В письме брату она писала, что ей «тоскливо до смерти». Но проявила характер! На рауте у австрийского посланника, где все дамы были в траурных нарядах по случаю кончины Карла X, только фрейлина Гончарова явилась в белом платье, демонстрируя всему свету: я невеста! Это, знаете ли, был отчаянный поступок: императрица могла очень сурово наказать ослушницу. И Дантес тоже оказался в неловком положении: о сватовстве еще не объявили, маневр уклонения от дуэли становился слишком прозрачным. Но Екатерина намеренно шла на обострение, чтобы отрезать Геккеренам путь к отступлению. Наталья Николаевна нарочно не поехала на раут, зная о готовящейся выходке сестры. Пушкин приехал позднее, сразу оценил ситуацию как еще один шаг для избежания дуэли. Он тут же запретил Екатерине даже разговаривать с Дантесом, а

«самому Дантесу сказал несколько более чем грубых слов». Инцидент на рауте был зафиксирован даже в донесениях дипломатов

Дантес в записке сделал выговор невесте, что она «ставит всех в неловкое положение», — впрочем, упрек довольно мягкий. Ведь в эти дни Дантес слишком зависел от стоворчивости Екатерины.

К этому времени друзья буквально повисли на руках Пушкина, чтобы предотвратить дуэль. Все поверили — и кому? Геккеренам! Никто не знал всей правды, но все считали себя вправе учить Пушкина, как ему поступать. Для многих поэт оставался тем «enfant terrible», каким он был когда-то и за которым нужен глаз да глаз...

Екатерина все больше включалась в происки врагов Пушкина. Чтобы ускорить помолвку, Геккерен намекнул (или сообщил открытым текстом) Жуковскому и Загряжской, что Екатерина беременна от Дантеса. Жуковскому, чтобы тот всеми силами удержал Пушкина от дуэли, Загряжской — чтобы скорее получить согласие Гончаровых на помолвку и брак. Разумеется, Екатерина должна была, со своей стороны, признаться тетке в мнимой беременности. Шантаж подействовал. Загряжская с удовлетворением сообщила Жуковскому о согласии Гончаровых: «И так концы в воду!» (Между прочим, Дантес тут же начал торговаться с Гончаровыми о приданом; торговались пока на 5000 рублей ассигнациями в год, причем 10 000 были выданы сразу.)

Некоторые исследователи полагают, что Екатерина действительно забеременела от Дантеса и что их связь началась еще в августе, во время дачных «тужурмулов». Навряд ли: Гончарова была фрейлиной, обязанной «блюсти себя». А соблазителя ждало суровое наказание. Вот, для примера, подобный случай: Сергей Трубецкой, брат уже упоминавшегося Александра Трубецкого, согрешил с фрейлиной, и она забеременела. По приказанию Николая I он был обвенчан тут же, в Зимнем дворце на дежурстве, и сразу отправлен на Кавказ. (Кстати, там он оказался секундантом другой роковой дуэли — Лермонтова с Мартыновым.) Так вот, если бы Екатерина и вправду была в то время беременна от Дантеса, он бы ни о чем другом не думал, как жениться на ней, не дожидаясь вызова на дуэль!

Наталя Николаевна пыталась отговорить сестру от брака с Дантесом, но Екатерина приписала это ревности. И отчасти была права: Наталя Николаевна все еще любила Дантеса, он имел над ней какую-то гипнотическую власть: «...не смея поднять на него глаза, наблюдаемая всем обществом, она постоянно трепетала» (Д.Ф.Фикельмон). В то же время и невеста страдала от унижительной двусмысленности своего положения, понимая, что если дуэль все же состоится, то Дантес и жениться не станет. Но не было такого унижения, которого она не перенесла бы ради Жоржа! А кто всему виной? Пушкин и младшая сестра. И Екатерина вплоть до свадьбы, живя под кровом Пушкиных, доносила обо всем Геккеренам.

Например, когда Наталя Николаевна поехала во дворец к своей тетке, там ее уже караулил Дантес. Сообщить о визите могла только Екатерина. Она указывала Дантесу на друзей Пушкина в его окружении и предостерегала от откровенности с ними.

Примирения не будет

Пушкин не подозревал, что в его доме завелся «крот». Вызов на дуэль все-таки был отозван. Пушкин объявил свояченице: «Поздравляю, вы невеста! Дантес просит вашей руки». До свадьбы он был приветлив с невесткой, добродушно шутил: а какой она теперь будет национальностью — русской, французской или голландской?

Наконец, во время болезни Дантеса — а болел он «простудною лихорадкой» с 12 декабря по 3 января следующего года — Екатерина тайно посещала его в доме Геккерена. Об этом свидетельствуют записки Дантеса: «Добрая моя Катрин, вы видели нынче утром, что я отношусь к вам почти как к супруге»; «Досадно, что у вас не будет экипажа завтра утром»; «...надеюсь, завтра не будет препятствий повидаться с вами». Свидания проходили с разрешения Геккерена, он и тут сводничал. Именно тогда Дантес вступил в близкие отношения с невестой. Это подтверждают и современники: «...та, которая так долго играла роль посредницы, стала, в свою очередь, любовницей, а

Вверху: Екатерина
Внизу: Идалия Полетика

затем и супругой»

10 января состоялась свадьба. Наталя Николаевна присутствовала лишь на венчании. Пушкин приехал позднее на свадебный обед, устроенный в честь молодых графом

Строгановым, другим знатным родственником Гончаровых. Там Геккерен сделал попытку примирения: «После обеда барон Геккерен, отец, подойдя к Пушкину, сказал ему, что теперь, когда поведение его сына совершенно объяснилось, он, вероятно, забудет и изменит настоящие свои отношения на более родственные. Пушкин отвечал сухо, что, невзирая на родство, он не желает иметь никаких отношений между его домом и г. Дантесом...» Когда Дантес приехал к Пушкиным с визитом, поэт его не принял; тогда Дантес написал ему письмо, но Пушкин, не распечатывая, вернул его, да как! На вечере у Загряжской поэт протянул письмо старику Геккерену. Тот отказался его принять. Пушкин вскипел и «бросил письмо в лицо Геккерену со словами: «Ты его примешь, негодяй!» Такие отношения никак не вписывались в версию Геккеренов, им необходимо было полное примирение. Но, «коль скоро Месье не довольно умен, чтобы понять, что только он и играет дурацкую роль во всей этой истории», как писал Дантес невесте, то было решено еще туже закрутить сюжет интриги, выставить Пушкина безумным ревнивцем, а Дантеса безвинным мучеником.

Геккерены внесли в сценарий новый поворот: что Дантес женился на Екатерине... для спасения Натальи Николаевны, в которую был платонически влюблен, от ревнивого мужа и несправедливого мнения света! Отныне на балах и вечерах Дантес томно вздыхал и бросал в сторону г-жи Пушкиной страдальческие взоры. Некоторые современники разгадали маневр семейки, например Жуковский, конспективно записавший в дневнике: «Два лица. Мрачность при ней. Веселость за ее спиной». Но многие поверили, особенно дамы: они восхищались рыцарем, который предпочел «...закабалить себя на всю жизнь, чтобы спасти репутацию любимой женщины». И в этом эпизоде Екатерина старательно исполнила отведенную ей роль.

«...вы сыграли все трое такую роль...» — написал Пушкин в черновике оскорбительного письма Геккерену, послужившего причиной роковой дуэли. Двоих мы знали и прежде: Дантес и Геккерен, третья стала известна недавно — Екатерина Гончарова.

Месть гнусной парочки

Пушкин написал Геккерену такое резкое письмо, что в ответ неизбежно последовал бы вызов Дантеса (сам посол драться не мог, его жизнь принадлежала королю, требовать сатисфакции обязан был его сын). Но еще до отправки письма опять вмешались друзья. Жуковский доложил царю. Николай вызвал Пушкина «на ковер». Он обещал защитить честь семьи Пушкина, но взял с поэта слово, что тот не пошлет нового вызова и не спровоцирует новой дуэли, не известив его об этом. Интересно, что само право на поединок царь даже не подвергал сомнению. Пушкин дал слово.

Утечка информации из дома Пушкиных продолжалась теперь, вероятно, от средней сестры Александры — через Екатерину — к Геккеренам. Они узнали про обещание Пушкина царю очень быстро. Тут уж они начали открыто мстить Пушкину и его жене. Ведь до сих пор они терпели поражение. Дантес остался ни с чем (он сам позднее признавался: «Я имел всех женщин, которых желал, кроме этой женщины, которая отомстила мне за всех их и которая, словно в насмешку, была моей единственной любовью»). Дантес был вынужден жениться на нелюбимой, не больно-то красивой тридцатилетней женщине, явно ему не ровне, и это было унижительно. А главное, Пушкин отказывал им в порядочности, открыто презирал их.

Вот как они мстили. Геккерен при удобном случае нашептывал Наталье Николаевне: «Когда же она склонится на мольбы его сына?» Дантес говорил ей пошлости; однажды, уходя с бала, нарочито громко сказал Екатерине: «Allons, ma legitime!» («Пойдем, моя законная!») — намекая, что здесь присутствует и незаконная. Все эти мерзости мгновенно передавались устно, отразились они и в переписке современников. Это была настоящая травля.

Наконец, Геккерены распространили новую клевету: что Пушкин сожительствует с другой свояченицей, Александрой. И этот вздор пошел гулять по свету: «Пушкин скрежещет зубами и принимает свое всегдашнее выражение тигра, Натали опускает глаза и краснеет под жарким и долгим взглядом сво-

его зятя... Катрин направляет на них обоих свой ревнивый лорнет, а чтобы ни одной из них не остаться без своей роли в драме, Александрина по всем правилам кокетничает с Пушкиным, который серьезно в нее влюблен и если ревнует свою жену из принципа, то свояченицу – по чувству». Так описывает раут 24 января 1837 года Софья Карамзина, еще недавно гордившаяся дружескими отношениями с поэтом. В конце письма дата – черный день 27 января 1837 года

Пушкин понял, что это никогда не кончится. Его враги ни за что не уймутся. Пушкин говорил другу Вяземскому, что ему «недостаточно уверенности своей собственной, своих друзей и известного кружка, что он принадлежит всей стране и желает, чтобы имя его оставалось незапятнанным везде, где его знают». Так оно и было по всей Руси великой, но не в столице, но не в высшем свете. «Здесь и сейчас» Пушкин проигрывал «информационную войну». Геккерены для своей пропаганды имели к услугам весь Кавалергардский полк. Кавалергарды в столице – это было то же самое, что гусары в уездном городе N. Они везде бывали, все видели, все слыхали. Они расползались по всем гостиним и разносили домыслы и сплетни. Высший свет тоже благоволил к «своим» – кавалергарду Дантесу и respectable дипломату Геккерену; бомонд принял г-жу Пушкину, а мужа скорее терпел, поэт оставался «чужим». Даже в дружественных ему семьях Карамзиных и Вяземских молодое поколение либо колебалось, либо приняло сторону врагов Пушкина. Поэт уже не был пророком, кумиром современников. Его философская лирика и раздумья над судьбой России были «чужими» в «николаевскую» эпоху, так же как камер-юнкерский мундир чужд поэту.

Что мог Пушкин противопоставить интриганам? Сам он интриганом не был. И если бы у него даже были возможности ответить во всеуслышанье, чтобы он сказал? Что его жена любила и, возможно, поныне любит Дантеса?.. Друзья, не зная ужасной правды, не понимая Пушкина, только мешали ему. Поэтому единственно возможным ответом Пушкина был смертельный поединок.

Напрасно понадеялись Геккерены на слово, данное Пушкиным царю. Русский человек хозяин своему слову: как дал, так и взял. Тем более что Николай своего царского слова не сдержал, не вмешался, не помог Пушкину. А пожалуй, и подлил масла в огонь – сделал Наталье Николаевне внушение: «Я советовал ей быть сколько можно осторожнее и беречь свою репутацию и для самой себя, и для счастья мужа, при известной его ревности. Она, верно, рассказала это мужу». Верно. И Пушкина такое «отеческое» внимание возмутило. Во-первых, он понял, куда дошли сплетни. Во-вторых, потому что именно Николай первым дал повод сплетничать о его жене. Пушкин говорил другу Нащокину, что царь, «как офицершкa, ухаживает за его женою; нарочно по утрам по несколько раз проезжает мимо ее окон, а ввечеру, на балах, спрашивает, отчего у нее всегда шторы опущены».

И Пушкин послал оскорбительное письмо Геккерену. На этот раз Геккерены не сумели найти способа увильнуть. Бросились к Строганову, но даже благоволивший им вельможа сказал: надо драться. Последовал ответный вызов Пушкину. И была дуэль.

Развязка

По многим свидетельствам, в декабре 1836 – январе 1837 года Пушкин был в страшном напряжении. Даже старушка-няня его детей рассказывала: «Александр Сергеевич был словно сам не свой: он или по целым дням разъезжал по городу, или, запершись в кабинете, бегал из угла в угол. При звонке в прихожей выбегал туда и кричал прислуге: «Если письмо по городской почте – не принимать!» – а сам, вырвав письмо из рук слуги, бросался опять в кабинет и там что-то громко кричал по-французски. Тогда, бывало, к нему с детьми не подходи... раскритичится и выгонит вон». Но как только Пушкин послал письмо Геккерену, он сделался спокоен и даже весел. Накануне «он был особенно весел» (у И.А.Крылова), «хохотал до слез» (в мастерской К.П.Брюллова), и наутро: «Ходил по комнате необыкновенно весело, пел песни...» (заметки Жуковского).

Обстоятельства дуэли Пушкина с Дантесом, в общем, хорошо известны, а если подробно – места не хватит. Кто убил

Пушкина, то есть кто стрелял в него и смертельно ранил – тоже известно. Но кто виноват в его гибели? На этот вопрос давали разные ответы, частично справедливые: самодержавие, холодный высший свет, авторы анонимного пасквиля, жена, сам поэт с его ревностью и прочими недостатками...

А какие у нас основания не верить самому Пушкину? Он, словно тень отца Гамлета, свидетельствует: «...вы все трое сыграли такую роль...» В черновике и окончательном варианте письма Геккерену даже определена степень виновности каждого. Про Дантеса сказано, что «он только подлец и шалопай» и что Пушкин удовлетворен тем, что «заставил вашего сына играть столь жалкую роль». То есть Дантесу принадлежит второе место. А главный виновник – руководитель заговора Геккерен: «Всем его поведением (довольно, впрочем, неловким) руководили вы». Эту уверенность Пушкина подтвердил впоследствии и военный суд: «Министр (т.е. Геккерен), будучи вхож в дом Пушкина, старался склонить жену его к любовным интригам с своим сыном», а также «он поселял в публике дурное о Пушкине и жене его мнение...» Третье место, таким образом, занимает Екатерина Гончарова-Геккерен, притом что Пушкин не знал всех ее проделок.

У виновников были и пособники – вольные и невольные. Среди вольных нужно, конечно, назвать Идалию Полетику, невольным же – несть числа. Кроме того, были, пользуясь юридическим термином, непреодолимые обстоятельства: это некоторые черты характера Пушкина и красота его жены. О

слабостях и пороках поэта в последнее десятилетие появились целые книги; не буду распространяться на эту тему. Потому что не это составляло сущность его личности, потому что он был в движении, и прав Гоголь: «Я уверен, что Пушкин бы совсем стал другой». Не успел. Красота Натальи Николаевны также сыграла роковую роль; красота, но не сама жена. И тут я склонен тоже довериться Пушкину – он не только не винил ее, но заботился о ней и защищал до последнего вздоха.

Нам всем жалко Пушкина. Понимаю, что это звучит глупо, вроде как «птичку жалко!» Вернее будет сказать, мучительно больно за Пушкина. И очень не хочется верить, что гибель его была неизбежна. Это подрывает нашу наивную веру в торжество добра и справедливости. Почти каждый пушкинист пишет: «Ах, если бы...» – оставляя Пушкину гипотетический шанс уцелеть. Вплоть до последних минут: мол, если бы Наталья Николаевна не была близорука (в прямом смысле), она заметила бы проезжающих мимо Пушкина с секундantom Данзасом и остановила их... Такие, с позволения сказать, размышления низводят происшедшее на уровень случайного стечения обстоятельств и унижают подвиг Пушкина, который под стать именно трагическому герою.

Конфликт в кульминационной части был уже не только личной борьбой Пушкина за свою честь (к слову, множество негодяев выходили к барьеру и в смертельном поединке доказывали свою как бы порядочность, в том числе Дантес). Когда подлость нагло торжествует, с этим невозможно мириться. В

том и подвиг Пушкина: он вышел один против подлости, зная, что погибнет.

Подвигом было и то, как он умирал. А умирал он долго, почти двое суток, испытывая жесточайшие мучения. В.И.Даль просил его: «Не стыдись боли своей, стонай, тебе будет легче...» «Нет, не надо стонать; жена услышит; и смешно же, чтоб этот вздор меня пересилил; не хочу», – отвечал отрывисто Пушкин. Перед смертью он окончательно примирился с Богом. Старик-священник, соборовавший его, вышел искренне растроганным: «Я стар, мне уж недолго жить, на что мне обманывать?.. я для себя самого желаю такого конца, какой он имел». Пушкин примирился с царем. Ласково простился с друзьями. Он был окружен близкими, но оставался один со своей горькой тайной, перед лицом смерти. В последнюю минуту схватил руку Дала: «Ну, пойдем же, пожалуйста, да вместе!»

Он ушел один.

Есть такие счастливыцы (другие скажут – страдальцы), в жизни которых смерть – важнейший факт биографии. Таков наш Пушкин. «Смерть обнаружила в характере Пушкина все, что было в нем доброго и прекрасного», – написал П.А.Вяземский вскоре после смерти друга. Я бы сказал, что Пушкин-человек сравнялся с Пушкиным-творцом. Найдем же утешение в том, что, погибнув, он победил нравственно. И оставил нам не только свои гениальные сочинения, но и потрясающую историю своей жизни с финалом, достойным восхищения.

ПОСЛЕДНИЙ ВЕЧЕР МАРИИ ВЕЧЕРЫ

Сергей МАКЕЕВ

Специально для «Совершенно секретно»

Кронпринц Рудольф и Мария Вечера в конце XIX века повторили печальную судьбу Ромео и Джульетты: не могли соединить свои судьбы на земле, поэтому вместе ушли из жизни.

В 1909 году Велимир Хлебников сочинил небольшую поэму «Мария Вечора». Мчатся ночные всадники, предводитель везёт живую ношу – перекинутую через седло похищенную девушку.

Не святые, не святоши,
В поздний час несёмся мы,
Так зачем чураться ночи
В час царицы ночи – тьмы!

Феодал и его свита пируют в древнем замке. Хозяин хочет насладиться своей добычей.

Короткие четверть часа
Буду вверху и наедине.
Узнаю, льнут ли её волосы
К моей молодой седине.

Но что это: наверху слышен стон и шум падения. Воины бросаются вверх, распахивают дубовую дверь и...

Но зачем в их руках заблистали клинки?
Шашек лезвия блещут из каждой руки.
Как будто заснувший, лежит общий друг,
И на пол стекают из крови озёра.
А в углу близ стены – вся упрёк и испуг –
Мария Вечора.

Эта поэма – гневный отклик автора на агрессивную германо-австрийскую политику. Ведь всего год назад Австро-Венгерская империя аннексировала Боснию и Герцеговину. В другом стихотворении этой поры Хлебников призывал: «Долой Габсбургов! Узду Гогенцоллернам!» Мария Вечора, по его замыслу, славянка – жертва, оказавшая героическое сопротивление германцам.

Это «вечернее» имя поэт помнил с детства. Взрослые произносили его с глубоким сочувствием и близко к сердцу принимали трагическую судьбу девушки. Впоследствии Мария стала героиней множества романов и кинофильмов.

Венская красавица

На самом деле её звали Мария Александрина фон Ве'чера. Отец её, Альбин Вечера, венгр из Румынии, служил дипломатом в Константинополе. Мать Елена, урождённая Бальтацци, – дочь греческого банкира и англичанки. В 1870 году глава семейства получил титул барона.

Впоследствии семья распалась: родители развелись, отец надолго уехал с миссией в Каир, а мать с повзрослевшими детьми жила в своём особняке в Вене. Они вели светский и довольно рассеянный образ жизни: прогулки в коляске в парке Пратер или в Венском лесу, посещение скачек, вечером театр или бал. Их принимали в лучших домах австрийской знати, но не в Хофбурге – императорском замке. Несмотря на знатное происхождение – предки по отцовской линии происходили из валахских и молдавских княжеских родов, – эта интернациональная семья не входила в круг высшей аристократии Австро-Венгрии. Только императрица Елизавета, свободная от сословных предрассудков, принимала

семью Вечера в своём замке.

Мария повзрослела и расцвела. Пожалуй, не было тогда в столице более прелестной девушки, чем Мэри – так называли её родные и близкие друзья. Большие тёмные глаза, опушённые длинными ресницами, маленький рот с чувственными губами, прекрасная фигура, осиная талия. Она много и охотно фотографировалась, но статичные снимки не передают её красоты – всех поражали грация в каждом её движении, волнующая походка и необыкновенный грудной голос, идущий, казалось, из глубины души... Прибавьте к этому непостоянный нрав – и внезапный неудержимый смех, и всегда близкие слёзы...

Злые языки приписывали семнадцатилетней девушке какие-то невероятные романы. Но никто не мог назвать ни одного счастливого избранника. Сердце Марии учащённо билось лишь при одном имени – Рудольф.

В те годы австрийские девушки, мечтающие о прекрасном принце, имели перед глазами его реальное воплощение – кронпринца Рудольфа, наследника престола Австро-Венгерской империи. Его портреты и статуетки о нём часто печатали газеты. Красавец, умница, отличный наездник и охотник, блестящий офицер, немножко повеса – вся Австрия называла его «наш Рудольф». А губы девушек шептали «мой Руди».

Ещё неизвестно, имел бы Рудольф такой успех, если бы девушки знали о нём всё...

Засидевшийся в принцах

То, что печатали о кронпринце газеты, было правдой. Но была ещё другая правда, о которой все молчали.

С юных лет Рудольф проявил независимый характер, не скрывал своих довольно либеральных взглядов. Пятнадцатилетним подростком он писал своему воспитателю:

«Если я не ошибаюсь, дело монархии конечно. Это гигантская развалина. Она ещё держится, но в конце концов рухнет. Пока народ слепо позволял собой управлять, всё шло отлично. Однако эра эта кончена, люди освободились. Развалина падёт при первой буре». Это письмо, конечно, оказалось на столе отца-императора. Произошёл тяжёлый разговор. Впоследствии такие объяснения происходили всё чаще.

Между тем, Рудольф был одним из самых одарённых юношей того времени. Он увлекался естественными науками, особенно орнитологией, впоследствии с группой учёных и писателей работал над энциклопедическим изданием «Австро-Венгерская монархия». Ему было душно в Хофбурге; домашнее образование не удовлетворяло жажды знаний. Но когда юный кронпринц попросил разрешения поступить в университет (неслыханное дело!), он получил категорический отказ. Вместо университета император вскоре отправил сына в армию. Военная служба мало занимала Рудольфа, носила в основном формальный характер, но он быстро рос в чинах и к двадцати четырём годам стал фельдмаршалом, вице-адмиралом и командующим 25-й дивизией, стоявшей под Веной.

В молодые годы кронпринц писал императору памятные записки. Он хотел равновесия народов в Австро-Венгрии, мира между государствами Европы. Император игнорировал его прожекты. Тогда Рудольф начал публиковать статьи в главной оппозиционной газете Neues Wiener Tagblatt, разумеется, анонимно. Однажды номер газеты с его статьёй даже конфисковали. Император Франц Иосиф распорядился установить слежку за Рудольфом и его окружением.

Впоследствии некоторые авторы утверждали, что, если бы к власти в эти годы пришли три либерально настроенных

принца – Фридрих в Германии, Эдуард в Англии и Рудольф в Австро-Венгрии, – мировая история сложилась бы иначе. Но Фридрих получил власть уже смертельно больным и умер через 99 дней от рака горлани, в Англии викторианская эпоха безмерно затянулась, а Рудольф оставался без реального влияния на государственные дела и к тому же часто без денег. В двадцать шесть лет он уже с тревогой смотрел в будущее: «Кто бы мог думать десять лет назад, что Австрия дойдёт до её нынешнего состояния? И какие времена нам ещё предстоят! Я всё больше прихожу к мысли, что наступят дни мрачные и, быть может, кровавые...»

Рудольф нежно любил свою мать, императрицу Елизавету – Зизи, как звали её близкие (в многочисленных книгах и фильмах это имя переименовали в Сиси); и она горячо любила сына, но слишком много путешествовала – урождённая баварская принцесса тяготилась чопорностью венского двора. А уважение кронпринца к отцу-императору постепенно сменилось отчуждением.

В 1881 году отец женил Рудольфа на бельгийской принцессе Стефании, девушке заурядной во всех отношениях, к тому же, как выяснилось впоследствии, болезненно ревнивой. Через два года у них родилась дочь. Увы, любимый ребёнок не сблизил супругов.

У Стефании было достаточно поводов устраивать сцены ревности. Рудольф имел успех у женщин, вёл рассеянный образ жизни; рассказывали о его романах с русской аристократкой и с двумя австрийскими княгинями, не считая мимолётных связей. К тому же он много времени проводил в кругу друзей и на охоте. После кутежей кронпринц часто отсыпался у своей постоянной любовницы Мицци Каспар (Мицци она была для друзей, на самом деле – Мария). Эта куртизанка ничего не просила у кронпринца; пожалуй, Рудольф больше ценил её как близкого и преданного друга. Это была почти узаконенная связь.

В этот смутный период своей жизни Рудольф встретил Марию.

Без права на любовь

В октябре 1888 года в Вене гостил принц Уэльский Эдуард – приятель кронпринца Рудольфа. Они вместе бывали в театре, на балах и других увеселениях, которыми так славилась Вена. Однажды на ипподроме Фройденау между забегами Эдуард увидел Хелену Вечера и двух её дочерей, с которыми познакомился пару лет назад на курорте. Немолодой уже ценитель женщин принц Уэльский заметил, как похорошела Мэри, и тотчас представил дам своему другу. Рудольф и Мария впервые встретились взглядами, и судьбы их соединились.

Мария обратилась к хорошей знакомой графине Лариш с просьбой помочь ей встретиться с кронпринцем. Та сразу сделалась конфиденткой влюблённой девушки.

Графиня Лариш, урождённая Вальдерзее, была племянницей императрицы и бывшей любовницей одного из братьев Бальтацци – дяди Марии. Таким образом, графиня считалась своим человеком как во дворце, так и в особняке Вечера-Бальтацци. Несомненно, графиня являлась украшением венского бомонда, однако в её биографии было тёмное пятно: она родилась вmorganaticком браке и полученный ею графский титул был своего рода прикрытием предосудительной связи отца, баварского принца. Формально Лариш входила в свиту императрицы, Зизи любила её, но... Сомнительное происхождение занозило сидело в сердце графини.

Такие люди часто стремятся играть важную роль в жизни великих мира сего; так иная бойкая дуэнья вершит судьбу своей госпожи, а заодно и её супруга.

Словом, графиня Лариш с жаром взялась помогать Марии, и уже через несколько дней мать и дочери Вечера оказались в театральной ложе по соседству с ложей кронпринца. В антракте они уже перемолвились несколькими фразами, и магический голос Марии очаровал Рудольфа.

Завязался роман в письмах, а уже в конце месяца состоялось их первое свидание. В любовный заговор были вовлечены служанка Марии Агнесса и кучер кронпринца Йозеф Братфиш.

Однажды вечером экипажи Рудольфа и Марии поравнялись и остановились всего на мгновение, в это время девушка проворно пересела в карету возлюбленного. Братфиш щёлкнул бичом и засвистал мелодию любимой венгерской песни «Данко».

Этот кучер славился во всех питейных заведениях Вены своим мастерским свистом; его любили слушать и знатные господа; он мог исполнить самый быстрый чардаш лучше, чем цыганская скрипка. А на козлах ему не было равных. Он был посвящён во многие тайны хозяина, но умел держать язык за зубами.

В чистом небе месяц засиял,
Лёг туман над речкой пеленой.
Данко в степь далёко усекал,
Не простился милый мой со мной...
– выводил Братфиш.

А в экипаже любовь исполняла свою вечную песню.

Обручение со смертью

Сколько изобретательности и отваги приходилось проявлять Марии! Бывало, вся семья собирается в театр или на бал, неожиданно Мэри, сказавшись больной, остаётся дома. Только мать с сестрой за дверь – Мария посылала Агнессу за извозчиком. Вскоре Мэри посвятила в свою тайну сестру. Похоже, и мать начала догадываться о чём-то таком, но не придавала значения – какая девушка не влюбляется в семнадцать лет! Рудольф, забыв об осторожности, тайком приводил любимую даже в свои покои в Хофбурге. Слухи и сплетни об их связи расплозились по замку.

Так продолжалось больше года. Когда прошли первые восторги любви, Рудольф и Мария осознали всю безысходность своего положения. Рудольф написал письмо Папе Римскому – он умолял Льва XIII расторгнуть их брак с нелюбимой Стефанией, хотя и понимал, что надежд на это было мало.

Однажды они сидели в кабинете Рудольфа. Мария заметила на его столе череп и револьвер. Она взяла в руки оружие и посмотрела на Рудольфа – в её глазах был немой вопрос. Может быть, в тот вечер они впервые заговорили об этом. При следующей встрече кронпринц подарил Марии простое железное кольцо с выгравированными буквами ILVBIDT – начальные буквы фразы In Liebe Vereint Bis In Den Tod – «Любовью соединены насмерть». Мария сделала любимому ответный подарок – золотой портсигар с надписью: «В знак благодарности своей счастливой судьбе. 13 января 1889 года».

Так они обручились со смертью.

Такие мысли и прежде посещали Рудольфа: в самом деле, может быть, исчезнуть из этой треклятой жизни? Как исчез его старший родственник – король Баварии Людвиг II. Императрица Елизавета когда-то дружила с несчастным Людвигом. Однажды Рудольф спросил Зизи: почему король так поступил, что это было – трезвое решение или безумие? Зизи ответила, что в жизни, как у Шекспира, только сумасшедшие разумны...

Однажды Рудольф заговорил о самоубийстве с Мицци, но та лишь рассмеялась – подобные мысли были ей абсолютно чужды. Но когда кронпринц ушёл, Мицци не могла избавиться от тревожного чувства и, по здравому размышлению, сообщила о своих опасениях в тайную полицию. Доложили императору, но он не придавал этому большого значения.

Зато его возмутило письмо, полученное из Ватикана: в нём сообщалось, что Рудольф просил разрешения на развод. А тут ещё Стефания заявила императору: она или я,

Графиня Лариш (слева) и Мария фон Вечера.
Справа: Любовница императора Франца Иосифа актриса Катарина Шратт.
Внизу: Замок Майерлинг в наши дни

иначе уезжаю к маме! Франц Иосиф не собирался пенять сыну за очередной роман, ведь и сам был не без греха: в свои пятьдесят пять лет император завёл любовницу – актрису Катарину Шратт. Даже Зизи благоволила избраннице мужа и чуть ли не способствовала их сближению. Но развод – это уж слишком! Император вызвал сына в кабинет. Он распекал не сына, а кронпринца, говорил о долге, ответственности, государственных интересах... Вероятно, Рудольф уже принял роковое решение, поэтому не стал пререкаться с отцом и

пообещал расстаться с любовницей. Удовлетворённый отец тотчас пригласил кронпринца с принцессой на семейный обед, знаменующий «на земле мир, в человеках благоволение».

Впрочем, была и другая версия этих событий: будто бы встреча императора с сыном протекала так бурно, что кронпринц вышел совершенно потерянный, а вслед ему через приоткрытую дверь донесся рык австрийского льва: «Ты недостойн быть моим сыном!»

Драма переросла в трагедию. Главные действующие лица словно нарочно спешили к финалу.

Мария в это время испытывала жгучее желание заявить всему миру, что она принадлежит Рудольфу, а он ей – до смертного часа и в жизни вечной. На двадцать седьмое января был назначен бал у германского посла, куда традиционно приглашались члены императорской фамилии и высшая венская знать. Мэри и графиня Лариш совершили невозможное – добыли приглашение для баронессы фон Вечера с дочерьми.

На бал Мария приехала в белом наряде, словно невеста, и была хороша как никогда, её глаза горели и казались ещё больше. Шёпот прокатился по залу: смотрите, это она!.. Принцесса Стефания и Мария пристально взглянули друг на друга. Для Рудольфа явление возлюбленной на балу оказалось полной неожиданностью. Его близкий друг граф Хойос фон Шпитценштайн подошёл к Марии и шёпотом посоветовал ей удалиться. Глаза Мэри наполнились слезами, краска бросилась в лицо. Граф, опасаясь истерики, поспешно отошёл.

Кронпринц весь вечер не отходил от жены и старался быть милым и внимательным. Но Стефания не оценила его стараний и сидела поджав губы. Уезжая с бала, Рудольф напомнил графу Хойосу о приглашении на охоту в замок Майерлинг послезавтра. Такое же приглашение получил принц Кобургский.

Действительно ли Рудольфу пришла охота подстрелить очередного оленя или это был лишь повод, чтобы провести день с Марией в охотничьем замке? А может быть, уже был предначертан иной, более важный план?

Убей меня нежно

Понимая, что его ждёт очередной скандал, Рудольф не поехал во дворец, а переночевал у Мицци и только под утро вернулся к себе. На другой день была назначена охота, а вечером торжественный ужин во дворце. Но кронпринц уже знал, что они пройдут без него.

В понедельник, двадцать восьмого января Мария Вечера села в экипаж, управляемый Братфишем, и выехала в Майерлинг, что в тридцати километрах от Вены. Рудольф выехал немного позже в другом экипаже. За ним в не приметной карете следовал агент тайной полиции. За городской заставой кронпринц выпрыгнул из кареты на ходу, экипаж развернулся и поехал обратно в Вену, агент за ним. А Рудольф в условленном месте пересел в экипаж Братфиша.

В Майерлинге их встретил лакей Лошек. Влюблённые поужинали и рано отправились в спальню. С той поры Мария не выходила из покоев кронпринца.

Утром приехали принц Кобургский и граф Хойос. Рудольф сказал им, что простудился, но, возможно, присоединится к ним завтра. Одновременно Рудольф послал Лошека на станцию дать телеграмму во дворец: кронпринц извинялся, что из-за простуды не сможет приехать на ужин.

Граф Хойос с егерем отправились в лес готовить завтрашнюю охоту. Гости и хозяин вновь встретились за обедом. Рудольф ел мало, выпил лишь бокал местного вина. После ужина Рудольф напомнил, что завтра рано вставать, и все разбрелись по разным концам замка.

Вечером Лошек принёс ужин в покои кронпринца. Рудольф позвал Братфиша, угостил вином и попросил исполнить венгерские мелодии. Когда кучер насвистывал «Птичку», Мария улыбалась и хлопала в ладоши, а когда завёл «Журавли улетають», девушка смахнула слезу.

Наступила ночь тридцатого января.

Рудольф и Мария остались одни. За окном разыгралась непогода. Прощальные письма Марии были уже написаны.

«Дорогая мама, прости мне то, что я делаю. Я не могу противиться любви. Хочу быть с ним на Алландском кладбище. Я буду счастливее в смерти, чем в жизни».

Сестре она писала так: «Мы оба уходим в таинственный мир. Думай иногда обо мне. Будь счастлива, выходи замуж не иначе как по любви... Не плачь, я счастлива. Помнишь линию жизни на моей руке? Каждый год 13 января приноси цветы на мою могилу».

Мария легла в постель, улыбнулась Рудольфу и закрыла глаза. Кронпринц помнил её просьбу: она не хотела выглядеть страшной на смертном одре. Он приставил револьвер к её виску и нажал курок. Это был, возможно, лучший выстрел в его жизни – лицо оставалось чистым, кровь окрасила только подушку. Он поцеловал любимую в остывающие губы...

Несколько часов он сидел рядом с ней в оцепенении. Потом сел к столу и закончил письма.

«Милая Стефания! – писал он жене. – Ты избавишься от моего присутствия. Будь добра к нашему несчастному ребёнку, ведь это единственное, что останется после меня... Я спокойно иду навстречу смерти, которая единственная может сохранить моё доброе имя».

Он написал также тёплое письмо матери и ни слова отцу. Затем встал, спустился в лакейскую и растолкал спящего Лошека. Кронпринц велел разбудить его в шесть утра.

Вернувшись в спальню, Рудольф заперся на ключ. Придвинул столик к постели и поставил на него зеркало. Лёг рядом с Марией и, глядя на своё отражение, приставил дуло к виску. О посмертной красе он не заботился, действовал наверняка. Выстрел был убийственно точен – пуля снесла верхнюю часть черепа...

«...хуже, чем правда»

В шесть утра Лошек постучал в дверь – нет ответа. Побежал за Братфишем, потом позвали графа Хойоса и принца Кобургского. Взломать тяжёлую дубовую дверь было невозможно, лакей прорубил отверстие топором. Ужасная картина предстала их глазам.

Граф Хойос помчался к железной дороге, встал на рельсах и остановил поезд, идущий в Вену. Через два часа граф был уже в Хофбурге. Некоторое время «особы, приближённые к императору», металась в замешательстве: кому доложить и как? Наконец сообщили императрице. Зизи была безутешна, она винила во всём дурную баварскую кровь. Зизи вызвала любовницу мужа Катарину Шратт, и обе заплаканные жен-

щины вошли в кабинет Франца Иосифа. О реакции императора говорили разное; одни утверждали, что он рыдал, как дитя; другие передавали его первую фразу: «Мой сын умер, как портной... Всё ещё хуже, чем правда».

Некоторое время выбирали официальную версию кончины кронпринца: случайный выстрел на охоте, кровоизлияние в мозг; наконец, было официально объявлено, что кронпринц «в минуту душевного помрачения покончил с собой».

Одновременно было принято решение, что имя Марии Вечера никогда не будет названо в связи с гибелью кронпринца. А лучше, если оно вообще будет предано забвению. В одной из газет промелькнуло сообщение в две строки: «В ночь на 30 января скоропостижно скончалась баронесса Мария фон Вечера, восемнадцати лет от роду», – и этот номер был конфискован жандармерией.

Родственникам девушки было предложено в строжайшей тайне вывезти тело из Майерлинга и захоронить на кладбище неподалёку от Майерлинга. Вечером два родственника Марии – Бальтацци и Штокау – вошли в спальню кронпринца. Они одели Марию, вынесли тело и усадили в карету. Спутники поддерживали тело слева и справа, а сзади вдоль спины привязали палку от метлы. Карету сопровождали полицейские. На кладбище приехали уже ночью. Могильщики отказались работать ночью, да ещё в непогоду. Родственники сами вырыли могилу.

Даже мать не смогла присутствовать на похоронах – её фактически выслали из Австрии. Отправили в изгнание и графиню Лариш.

Кронпринц был похоронен в усыпальнице Габсбургов, с соблюдением всех обрядов и традиций, но – в узком кругу самых близких родственников.

Что за судьба! Им не дали быть вместе при жизни, их разлучили и после смерти.

Осквернители праха

Слухи и сплетни о гибели Рудольфа и Марии ходили самые разные. Говорили, что кронпринц убит из-за какого-то романа или интрижки, не исключали и дуэль; подозревали внутренний заговор, происки иностранных врагов и, конечно же, масонов; утверждали, что кронпринц свёл счёты с жизнью из-за пьянства и наркотиков; что он подхватил «дурную болезнь» и заразил то ли жену, то ли любовницу; что Мария была беременна, сделала неудачный аборт и приехала в Майерлинг уже со смертельным кровотечением. Выдвигались и вовсе экстравагантные версии, например, что Мария узнала страшную тайну своего рождения – её отцом был император Франц Иосиф!

Слева направо: Рудольф ... , Императрица Елизавета Австрийская, Франц Иосиф I, император Австрийской империи (1848–1916), король Богемии и король Венгрии. Внизу: любовница кронпринца Рудольфа Мицци (Мария) Каспар

Некоторые слухи впоследствии вошли в романы и кинофильмы о Марии Вечера и кронпринце Рудольфе.

Замок Майерлинг был вскоре отдан церкви под монастырь и основательно перестроен. На том месте, где находились покои кронпринца, теперь алтарь монастырского храма.

Через полгода после трагедии баронессе-матери разрешили вернуться в Вену, император принёс ей извинения. На могиле Марии появились, наконец, надгробие и надпись: «Здесь лежит Мэри, баронесса фон Вечера, родившаяся 19 марта 1871 года, скончавшаяся 30 января 1889 года. – «Как цветок выходит человек и вянет». Книга Иова, XIV, 2».

В конце Второй мировой войны несколько могил на этом кладбище были вскрыты, вероятно, в поисках ценностей. Захоронение было восстановлено, но на этом злоключении останков девушки не окончились. В 1992 году некий исследователь-любитель Хельмут Флатценштайнер выкрал кости и череп Марии, чтобы провести собственное расследование. Полиция нашла злоумышленника, он попал под суд и выплатил большой штраф. В третий раз Марию Вечера похоронили в надёжно защищённом гробу.

Скверный анекдот! Увы, так оканчиваются многие настоящие трагедии.

В самом начале романа «Похождения бравого солдата Швейка» патриот Австро-Венгрии бесподобный Йозеф Швейк в трактире «У чаши» так рассуждал об императоре и судьбах Габсбургов:

«...Примите во внимание: сына Рудольфа он потерял во цвете

лет, полного сил, жену Елизавету у него проткнули напильником, потом не стало его брата Яна Орта, а брата – мексиканского императора застрелили в какой-то крепости у стенки. Теперь опять, на старости лет, подстрелили у него дядю». (На самом деле, не дядю, а племянника – эрцгерцога Фердинанда.)

Когда я подростком читал «Швейка», этот фрагмент показался мне одной из баек главного героя. Некоторые имена были помечены звёздочками, но в юном возрасте не хочется заглядывать в «Примечания», особенно в такой весёлой книге. Впоследствии я узнал, что этот скорбный список – сущая правда.

«Только сумасшедшие разумны», – говорила императрица Зизи; только дети и дурачки глаголят истину. Вот и Йозеф Швейк, официально признанный идиотом, видел историю Европы, как подлинный мудрец. О чём он говорил на примере династии Габсбургов? Первая мировая война разрушила четыре империи – Австро-Венгерскую, Германскую, Османскую и Российскую, – но и личные судьбы правителей складывались роковым образом и вели династии к гибели.

В этот раз я рассказал о первых жертвах из «списка Швейка».

ПИСАТЕЛЬСКИЕ

Евсей ГРЕЧЕНА

Специально для «Совершенно секретно»

Если на дуэлях дрались даже генералы, продукты и олицетворение системы, в которой все взаимоотношения определяются дисциплиной и воинскими уставами, то, что уж тогда требовать от людей творческих, амбициозных, болезненно обидчивых, а порой и совсем неуравновешенных. Писательские дуэли часто проходили без соблюдения правил, порой они были забавны, даже нелепы... Но и на них тоже лилась кровь.

В биографиях автора знаменитого романа «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» Мигеля де Сервантеса говорится, что учился он урывками, а потом, не найдя средств к существованию в родной Испании, отправился в Италию, где определился на службу к кардиналу Джулио Аквавива.

МОРСКОЙ ПЕХОТИНЕЦ И ДУЭЛЯНТ

В тот момент ему было неполных двадцать два года. Но вот почему он покинул Кастилию? Может быть, он уехал учиться? Ничего подобного. Оказывается, осенью 1569 года Сервантеса разыскивали, подозревая в убийстве знатного дворянина на дуэли. А в некоторых источниках утверждается, что его даже не подозревали, что приговор уже был вынесен...

На самом деле, никто никого не убил. Да, Сервантес дрался на дуэли с неким Антонио де Сигура. Последний был ранен, а Сервантеса приговорили к длительному и весьма серьезному наказанию. Но ему удалось бежать, и в декабре 1569 года он прибыл в Рим, где... продолжил вести жизнь типичного искателя приключений.

Например, уже в 1570 году Сервантес был зачислен солдатом в полк морской пехоты Испании, расположенный в Неаполе. Он пробыл там около года, а в октябре 1571 года он даже участвовал в морском сражении с Оттоманской флотилией при Лепанто. При этом он получил три огнестрельных ранения – два в грудь и одно в предплечье. В награду будущий писатель получил четыре золотых дуката и шутовское прозвище Manco de Lepanto – однорукий или искалеченный при Лепанто.

Парный комплект пистолетов в XIX в. хранился во многих дворянских домах на случай дуэли

Они были иногда трагичны, порой забавны, а время от времени нелепы

Кстати, ранение лишило левую руку Сервантеса подвижности. Потом в своей поэме «Путешествие на Парнас» он написал, что «потерял дееспособность левой руки ради славы правой».

ДУЭЛЬ ИЗ-ЗА СТРОЧКИ В ПОЭМЕ

Французский поэт романтического направления Альфонс де Ламартин, родившийся в 1790 году в Маконе, был воспитан отцом-дворянином в духе преданности законной монархии, а любимым его поэтом был Расин. А еще он изучал классических авторов, восхищался Руссо и с увлечением воспринимал новые литературные веяния. В 1820 году вышел его первый сборник стихов «Медитации», имевший сразу громадный успех. Потом Ламартин был избран в члены Французской академии, а критика единогласно признала его одним из величайших поэтов Франции. Да что там Франции... Двух книг оказалось достаточно для укрепления за Ламартином прочной славы одного из поэтов, принадлежащих всему человечеству.

В молодости Ламартин служил в королевской гвардии, а с 1823 года он был секретарем посольства в Неаполе. А в 1824 году его перевели работать во Флоренцию. Там он напечатал пьесу «Последнюю песнь Чайльд-Гарольда». И, что удивительно, несколько строк из этой пьесы вызвали оскорбительные отзывы в печати, написанные полковником Габриэлем Пепе.

Этот самый Пепе родился в 1783 году. Он с честью служил во время войн Наполеона, но в 1820 году, став главнокомандующим в Неаполе, он не смог бороться против превосходящих сил австрийцев, и вынужден был бежать. Потом Пепе долго находился в изгнании, мечтая вновь вернуться на политическое поприще.

Так вот в 1826 году Ламартин был вызван этим полковником на дуэль.

Поэт Пётр Андреевич Вяземский писал тогда одному своему другу из Парижа: «Вы, вероятно, читали поэму Ламартина «Последняя песнь Чайльд-Гарольда». В ней есть несколько хороших отрывков, и ночная сцена прощания Чайльд-Гарольда начертана живо и поэтически; но все велика смелость переродить Байрона в себя или себя в Байрона. Ламартин за эту смелость и поплатился. По газетам знаете вы, что он дрался на поединке в Италии. Я недавно узнал от приезжего из Флоренции о подробностях этого приключения. Сообщаю их. Слышу, что мои милые

АЛЬФОНС ДЕ ЛАМАРТИН

соотечественники исписали все альбомы свои стихами из Ламартина, а соотечественные поэты – все журналы переводами из него. Расскажите же тем и другим, что любимый их поэт не менее того и рыцарь без страха и без упрека. Итальянцы обижались отзывами французского Чайльд-Гарольда об упадке их духа, величия и славы. Долго кипело глухое неудовольствие или не выходило из предела гостинных сплетней. Наконец один неаполитанец, Пепе, <...> распустил по обществу ругательное сочинение на поэта; тот вызвал сейчас оскорбителя драться на пистолетах; но дело кончилось на шпагах, по настоятельному несогласию итальянца. Замечательно, что сей не мог между соотечественниками найти ни одного секунданта себе: приехав один на место битвы, принужден он был взять одного из трех секундентов Ламартина. Поэт, хотя и сльвет мастером в искусстве фехтовальном, не хотел пользоваться им; наконец легкою ранюю, полученною им в плечо, битва была прекращена. И после поединка оказал он благородство своего сердца, ходатайствуя у правительства за соперника, которого взяли, было под стражу, и хотели из Тоскании изгнать, уже изгнанного из Неаполя. После того Ламартин издал в свет оправдание своего Чайльд-Гарольда, объясняя, что он в сей поэме говорил не за себя, а за лицо, созданное Байроном, и, следовательно, не должен отвечать за его мнения».

Чем же был так оскорблен полковник Габриэль Пепе?

С позиций современного человека, все это выглядит, как минимум, странно. Ламартин написал: «Пойду искать в другом месте (прости, римская тень!) – Людей, а не людскую пыль...» (Je vais chercher ailleurs (pardonne, ombre romaine !) – Des hommes, et non pas de la poussière humaine). И неаполитанский полковник обвинил поэта в том, что он сравнил гордых итальянцев, мечтавших о независимости и об объединении страны, с пылью. И делать было нечего: вызов был брошен, и дворянин обязан был дать оскорбленному сатисфакцию.

Дуэль состоялась 19 февраля 1826 года в саду посольства Франции в Риме. Она велась на шпагах, и Ламартин был ранен в руку.

ОБИДА НА РЕЦЕНЗИЮ

В 1896 году Марсель Пруст, получивший затем всемирную известность как автор

семиотомной эпопеи «В поисках утраченного времени» (одного из самых значительных произведений мировой литературы XX века), издал сборник новелл «Утехи и дни». Это было его первое серьезное произведение, в котором нашли отражение наблюдения писателя за великосветскими снобами. Предисловие к этой книге написал сам Анатолий Франс. При такой поддержке, можно было рассчитывать на успех издания, но не тут-то было: поэт, прозаик и литературный критик Поль Дюваль, работавший под псевдонимом Жан Лоррен, встретил книгу разгромной рецензией, написанной в свойственных ему оскорбительных тонах. К тому же критик назвал самого автора «мягкотелым» и позволил себе сделать нелепые замечания о его личной жизни.

Надо сказать, что сорокалетний Жан Лоррен часто оказывался в центре различных скандалов и охотно шел на конфликты. Например, в одном из своих романов он оскорбительно представил Ги де Мопассана (в детстве они были товарищами) и едва избежал дуэли с ним.

Что же касается описываемой дуэли, то ее назначили на 5 февраля 1897 года. Местом дуэли стал юго-западный пригород Парижа Мёдон. Секундантом со стороны Пруста был его друг, художник-импрессионист Жан Боро. Единственной просьбой Пруста было не начинать поединка до полудня, так как он был ярко выраженный «совой», то есть человеком с наилучшей адаптацией для работы в вечернюю и ночную смену.

Стрелялись с двадцати пяти шагов. Оба литератора выстрелили, и оба промахнулись. И тогда секунденты согласились с тем, что честь восстановлена, и продолжать нет смысла.

Стоит сказать, что столь бурная реакция на рецензию все же была чрезмерной, но с помощью дуэли оба литератора смогли урегулировать свои разногласия. Хорошо еще, что оба они оказались неважными стрелками (хотя с ноября 1889 года Пруст в течение года проходил военную службу в Орлеане). В противном случае, литература сильно бы обеднела.

ТРЕТЬЯ ДУЭЛЬ НА ЧЕРНОЙ РЕЧКЕ

Название «Чёрная речка» прочно ассоциируется в нашей памяти с роковой дуэлью Александра Сергеевича Пушкина с Жоржем Дантесом. О ней практически все известно в мельчайших деталях.

Примерно в этом же месте (на Парголовской дороге) дрались Михаил Юрьевич Лермонтов и барон Эрнест де Барант, атташе французского посольства в Санкт-Петербурге и сын французского посла Проспера де Баранта. Француз вызвал Лермонтова на дуэль, поставив тем самым крест на своей едва начавшейся дипломатической карьере и серьезно скомпрометировав отца. Тогда дело обошлось без трагических последствий, хотя Лермонтов и получил легкую рану шпагой в грудь. Уже цитированный нами поэт Пётр Андреевич Вяземский 22 марта 1840 года писал: «Это совершенная противоположность истории Дантеса. Здесь действует патриотизм. Из Лермонтова делают героя и радуются, что он проучил француза». Более того, даже прошел слух, что сам император отнесся тогда к Лермонтову снисходительно и сказал, что «если бы Лермонтов подрался с русским, он знал бы, что с ним сделать, но когда с французом, то три четверти вины слагается».

А вот о дуэли на Чёрной речке двух русских поэтов, Николая Степановича Гумилёва и Максимилиана Александровича Волошина, известно разве что в узком кругу литературо-

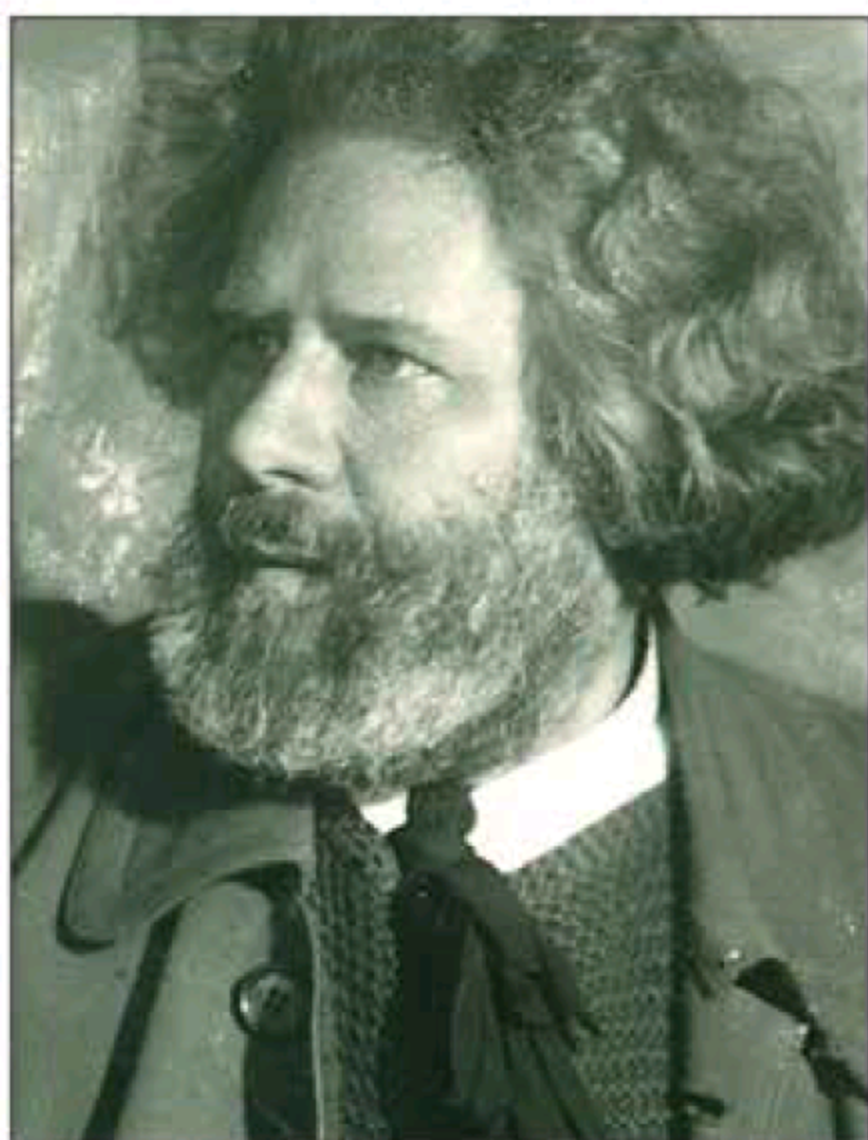
ДУЭЛИ

ведов-филологов.

Во все времена главным яблоком раздора у мужчин были прекрасные дамы. Первая дуэль на Чёрной речке произошла из-за Натальи Гончаровой. Из-за кого же стрелялись Гумилёв с Волошиным? Из-за Анны Горенко, принявшей псевдоним Ахматовой и позже ставшей женой Гумилёва? Нет. Дрались поэты из-за молодой поэтессы, но ее звали не Анна, а Елизавета. Елизавета Ивановна Дмитриева, известная читателям своего времени под псевдонимом Черубина де Габриак.

Считается, что весной 1909 года у Гумилёва с Елизаветой Дмитриевой завязался роман. Позднее сама она призналась, что у нее был роман с двумя поэтами одновременно: оба были влюблены в нее, и она была влюблена в обоих. Но Волошина она встретила на несколько лет раньше, питала слабость к его поэзии, посылала ему свои стихи, переписывалась с ним и обожествляла его, считая недостижимым для себя идеалом. Гумилёва же она встретила в июне 1907 года в Париже, но та встреча последствий не предполагала. А весной 1909 года они увиделись вновь, и об этом Дмитриева потом написала так: «Это был значительный вечер в моей жизни <...> Мы много говорили с Гумилёвым об Африке, почти с полуслова понимали друг друга <...>

тогда, измученный влечением к Ане Горенко и ее постоянными отказами, Гумилёв сделал предложение Елизавете Дмитриевой, но... тоже получил отказ. Во всяком случае, есть такая версия, и никто толком не знает, как все обстояло на самом деле. Наверное, так Дмитриева решила сохранить верность

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН

Васильеву, женой которого она станет в 1911 году. А пока же она предпочла Гумилёву его коллегу по редакции «Аполлона» Максимилиана Волошина. В ответ разъяренный Гумилёв позволил себе неслестно высказаться о поэтессе, а Волошин, в свою очередь, нанес ему публичное оскорбление.

Сам он потом описывал это так: «В огромной мастерской на полу были разостланы декорации к "Орфею". Все были уже в сборе. Гумилёв стоял с Блоком на другом конце залы. Шаляпин внизу запел «Заклинание цветов». Я решил дать ему пощечину. Когда он кончил, я подошел к Гумилёву, который разговаривал с Толстым, и дал ему пощечину. В первый момент я сам ужасно опешил, а когда опомнился, услышал голос И.Ф. Анненского: «Достоевский прав, звук пощечины – действительно мокрый». Гумилёв отшатнулся от меня и сказал: «Ты мне за это ответишь» (мы с ним не были на "ты"). Мне хотелось сказать: «Николай Степанович, это не брудершафт». Но я тут же сообразил, что это не вязалось с правилами дуэльного искусства, и у меня внезапно вырвался вопрос: «Вы поняли?» (То есть: «поняли ли – за что?»)

А вот версия главного редактора «Аполлона» Сергея Константиновича Маковского: «Волошин казался взволнованным. Вдруг, поравнявшись с Гумилёвым, не говоря ни слова, он размахнулся и изо всей силы ударил его по лицу своей могучей ладонью. Сразу побагровела щека Гумилёва, и глаз припух. Он бросился было на обидчика с кулаками. Но его оттащили – не допускать же драки между хилым Николаем Степановичем и таким силачом, как Волошин. Вызов на поединок произошел сразу же».

Дуэль Волошина и Гумилёва состоялась 22 ноября 1909 года, через 72 с лишним года после дуэли Пушкина. Разумеется, у каждого из противников были секунданты: у Гумилёва – поэт М.А. Кузмин и шахматист Е.А. Зноско-Боровский, у Волошина – князь А.К.

Шервашидзе-Чачба и граф А.Н. Толстой, будущий автор «Петра I», «Хождения по мукам», «Аэлиты», «Гиперболоида инженера Гарина» и т.д.

Это была очень странная дуэль. Во-первых, оба дуэлянта опоздали к месту поединка. Гумилёв отправился на дуэль в собственной машине. И одет он был по-барски: в дорогой шубе и цилиндре. Но его машина застряла в снегу. Во-вторых, Волошин, ехавший на обыкновенном извозчике, тоже застрял в сугробе и решил идти к месту дуэли пешком, но по дороге он потерял калошу. Без нее стреляться он не хотел, и секунданты бросились искать волошинскую калошу.

Н.К. Чуковский пишет: «Гумилёв, озябший, уставший ждать, пошел ему навстречу и тоже принял участие в поисках калоши. Калошу не нашли, но совместные поиски сделали дуэль психологически невозможной, и противники помирились».

На самом деле, все обстояло несколько иначе.

Гумилёв желал драться с шести шагов, и по дуэльному кодексу он мог настоять на своем, но секунданты очень не хотели крови. Конечные условия были такими: двадцать пять шагов (по словам Шервашидзе) или пятнадцать шагов (по словам Толстого и Волошина), выстрелы по команде сразу. За пистолетами отправились к Борису Суворину, сыну знаменитого издателя, но у него оружия не оказалось. Тогда отправились к юристу А. Ф. Мейендорфу, и у того пистолеты нашлись: гладкоствольные, чуть ли не пушкинской эпохи. По утверждению Никиты Алексеевича Толстого, его отец тайком засыпал в пистолеты тройную порцию пороха – чтобы усилилась отдача и уменьшилась точность стрельбы. Потом граф Толстой отсчитал шаги, разделявшие дуэлянтов.

вив ноги, без шапки. Передав второй пистолет В., я по правилам в последний раз предложил мириться. Но Гумилёв перебил меня, сказав глухо и недовольно: «Я приехал драться, а не мириться». Тогда я просил приготовиться и начал громко считать: раз, два... (Кузмин, не в силах стоять, сел в снег и заслонился цинковым хирургическим ящиком, чтобы не видеть ужасов) ...три! – вскрикнул я. У Гумилёва блеснул красноватый свет, и раздался выстрел. Прошло несколько секунд. Второго выстрела не последовало. Тогда Гумилёв крикнул с бешенством: «Я требую, чтобы этот господин стрелял». В. проговорил в волнении: «У меня была осечка». «Пускай он стреляет во второй раз, – крикнул опять Гумилёв, – я требую этого». В. поднял пистолет, и я слышал, как щелкнул курок, но выстрела не было. Я подбежал к нему.

НИКОЛАЙ ГУМИЛЁВ

Выдернул у него из дрожащей руки пистолет и, целя в снег, выстрелил. Гашеткой мне ободрало палец. Гумилёв продолжал неподвижно стоять. «Я требую третьего выстрела», – упрямо проговорил он. Мы начали совещаться и отказали. Гумилёв поднял шубу, перекинул ее через руку и пошел к автомобилям».

По одной версии, Гумилёв промахнулся, по другой версии – выстрелил вверх. Позднее секунданты показали в суде, что Гумилёв «не то промахнулся, не то стрелял в воздух». Во всяком случае, он явно особенно не прицеливался. А Волошин признался, что не умел стрелять. Короче говоря, дуэль завершилась без кровопролития.

В газетах потом этот поединок называли водеvilным. А «Биржевые ведомости» поместили на своих страницах следующую эпиграмму:

На поединке встарь
лилася кровь рекой,
Иной и жизнь свою терял,
коль был поплоче,
На поле чести нынешний герой
Теряет лишь... галоши.

Потом дуэлянты надолго остались врагами. Время от времени им приходилось встречаться в различных редакциях, но они делали вид, что незнакомы. Гумилёв, по свидетельству Ахматовой (она вышла замуж за Гумилёва в 1910 году), «старался вовсе не упоминать об этом человеке». Потом началась война, и Гумилёв принял в ней участие и даже был награжден Георгиевским крестом. Потом была революция, а в 1921 году они встретились вновь, и существуют воспоминания Волошина об этой встрече: «Я сказал: "Николай Степанович, со времени нашей дуэли произошло столько разных событий такой важности, что мы можем, не вспоминая о прошлом, подать друг другу руки". Он нечленораздельно пробормотал что-то, и мы подали друг другу руки».

Фото из архива Wikipedia.org

МИГЕЛЬ ДЕ СЕРВАНТЕС

Он поехал провожать меня, и тут же сразу мы оба с беспощадной ясностью поняли, что это была «встреча» и не нам ей противиться».

По свидетельству Дмитриевой, она безоглядно бросилась в этот роман, хотя была в то время невестой Всеволода Васильева, отбывавшего тогда воинскую повинность. Сердце Гумилёва также не было вполне свободно. Начиная с 1903 года, он был влюблен в гимназистку Аню Горенко, сестру своего гимназического друга Андрея Горенко. Но к 1909 году Гумилев получил от нее уже не менее семи отказов на предложения выйти за него замуж. Его мучила ревность, и угнетали эти отказы. Он знал, что у нее был возлюбленный (будущая Анна Ахматова с зимы 1905 года испытывала нежные чувства к своему репетитору по математике Владимиру Викторовичу Голенищеву-Кутузову, но ее любовь к нему была несчастливой). И вот

МАРСЕЛЬ ПРУСТ

Бесстрашный Гумилёв сбросил с плеч шубу и остался в смокинге и цилиндре. Напротив находился растерянный Волошин: широкий в плечах, толстоватый, с гривой волос на голове, в шубе, без шапки, но в калошах. В глазах его стояли слезы, а руки дрожали.

А.Н. Толстой описывает этот поединок так: «Меня выбрали распорядителем дуэли. Когда я стал отсчитывать шаги, Гумилёв, внимательно следивший за мной, просил меня передать, что я шагаю слишком широко <...> Гумилёву я понес пистолет первому. Он стоял на кочке, длинным, черным силуэтом различимый во мгле рассвета. На нем был цилиндр и сюртук, шубу он сбросил на снег. Подбегая к нему, я провалился по пояс в яму с талой водой. Он спокойно выжидал, когда я выберусь, взял пистолет, и тогда только я заметил, что он, не отрываясь, с ледяной ненавистью глядит на В., стоявшего, расставив

**СОВЕРШЕННО
СЕКРЕТНО**

«Совершенно секретно-Украина. Спецвыпуск»
№12 (177) от 15.12.2020
Учредитель и издатель:
ООО «Издательство Украинский Медиа Дом»

04080, г. Киев, ул. Кирпильовская, 104
Главный редактор Алексей ВЛАДИМИРОВ
Свидетельство о государственной
регистрации печатного СМИ
КВ № 24421-14361 ПР
выдано Министерством юстиции
Украины 13.03.2020
Адрес редакции/издателя:
04073, г. Киев, Куреневский переулок, 17Г
Телефон редакции: (044) 207-97-11

e-mail: sovsec@sovsec.kiev.ua
Цена свободная
Размещение рекламы
reklama@umh.com.ua
Тел.: (044) 207-97-00, (044) 207-33-05
Распространение и подписка
ООО «Издательство Украинский Медиа Дом»
Отдел розницы, тел.: (044) 207-97-00
Отдел подписки, тел.: (044) 207-97-25
При подготовке номера использованы

материалы международного
ежемесячника «Совершенно секретно»
Рукописи, присланные в редакцию,
не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать
с мнением автора.
Украинская редакция переписку с читателями
не ведет. Перепечатка только с разрешения
«Совершенно секретно-Украина».
Редакция не несет ответственности за содер-

жание рекламы. Во всех случаях типограф-
ского брака обращаться в типографию
ООО «Мега-Полиграф». Адрес: г. Киев,
ул. М. Вовчка, 12/14.
Тел.: (044) 451-86-70, (044) 581-68-15.
© «Совершенно секретно-Украина», 2020
Отпечатано в типографии
ООО «Мега-Полиграф».
г. Киев, ул. М. Вовчка, 12/14.
Тираж: 39000 экз. Заказ № 81575

у грудні
читайте:

- КОЛИ ЧЕКАТИ ВАКЦИНИ?
- ЧИМ СХОЖІ ПРОТЕСТИ В МІНСЬКУ І ХАБАРОВСЬКУ?
- ЧОМУ ПРЕЗИДЕНТСТВО БАЙДЕНА - ХОРОША НОВИНА ДЛЯ УКРАЇНИ
- НАГОРНИЙ КАРАБАХ - УРОКИ, ЯКІ ВАРТО ЗРОБИТИ УКРАЇНІ

вже
У ПРОДАЖУ

Свідоцтво
про держреєстрацію
Серія КВ,
24420-14360 ПР
від 13.03.2020р.

СПЕЦВИПУСК
«Жіночі секрети»

